

— Советские туристы с большим содержанием нитратов, вожди!

Г. ОГОРОДНИКОВ, В. ЛУГОВКИН (тема)

**Операция «Лекарство»:
дар фирмы «Байер».**

№ 5 (2663)
февраль 1990

ИЗДАЕТСЯ
С ИЮНЯ
1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ
ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

Главный редактор
А. С. ПЬЯНОВ.

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ:

М. А. АБРАМОВ,
А. В. АНИКИЕВ,
Ю. Б. БОРИН,
В. Г. ДЕМИН,
О. М. ДМИТРИЕВ,
Б. Е. ЕФИМОВ,
М. Г. КАЗОВСКИЙ,
Р. Т. КИРЕЕВ,
В. Г. ПОБЕДНОСЦЕВ
(ответственный секретарь),
Э. И. ПОЛЯНСКИЙ,
В. И. СВИРИДОВ
(зам. главного редактора),
С. С. СПАСКИЙ
(главный художник),
А. А. СУКОНЦЕВ,
Л. Л. ФЛОРЕНТЬЕВ,
А. И. ХОДАНОВ
(зам. главного редактора).

Технический редактор
В. П. БОРИСОВА.

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ
ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

Сдано в набор 10.01.90.
Подписано к печати 17.01.90.
А 09407.
Формат бумаги 70×108½.
Бумага офсетная.
Офсетная печать.
Усл. печ. л. 2,80.
Усл. кр.-отт. 11,20.
Уч.-изд. л. 4,54.
Тираж 5 050 000 экз.
(1-й завод: 1 — 2 450 188).
Зак. № 1794.
Цена 30 коп.

НАШ АДРЕС: 101455,
ГСП-4, Москва,
Бумажный проезд, д. 14.

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:
экономики — 250-46-68,
морали и права — 250-16-63,
литературы — 250-09-70,
писем — 212-13-93,
международного — 250-45-78,
художественного — 212-30-00.
Приемная — 250-10-86.

Ордена Ленина и ордена
Октябрьской Революции
гипография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137,
ул. «Правды», 24.

© Издательство ЦК КПСС
«Правда».
«Крокодил». 1990.

НЕ ПЛОЙ В КОЛОДЕЦ!

ВСЕ ДОСТАЕТСЯ ЛЮДЯМ

Юриконсульт совхозов «Павлоградский» и имени Богдана Хмельницкого Константин Михайлович Гусев озбочен деятельностью Министерства угольной промышленности.

Собственно, не всей деятельностью, а той ее частью, которая касается упомянутых совхозов.

Дело в том, что эти совхозы расположились на территории Донбасса. Наверху, стало быть, пашут и сеют, а внизу, ближе к центру Земли, добывают уголек. И в таком разделении сфер влияния не было бы ничего плохого, если бы не одна деталь: грунт в районах выработок проседает, а земли подтапливаются.

И в результате, пишет нам Константин Михайлович, «только в родном Павлоградском районе (Днепропетровской области) выведено из строя около 2600 га сельхозугодий».

Разумеется, юриконсульт Гусев болеет за свой район, для него 2600 гектаров — это не шутка. Если, допустим, посеять на этой площади пшеницу, то при хорошем урожае можно собрать 8 тысяч тонн хлеба, которыми можно было бы накормить всех тамошних бастовавших шахтеров. А если бы на этой площади пасти скот, то данных шахтеров можно было бы накормить мясом и напоить молоком. То есть теми продуктами, которые на Донбассе сейчас в дефиците. А вместо этого объединение «Павлоградуголь» выплачивает совхозам штрафы за погубленные пашни и луга, хотя, как известно, штрафами ни накормить, ни напоить людей невозможно. И такое, пишет К. Гусев, далеко не в одном только Павлоградском районе: «По всей нашей стране могущественные ведомства

практически безнаказанно губят природу».

Что касается «всей нашей страны», то Председатель Совета Министров СССР Н. И. Рыжков на второй сессии Верховного Совета страны привел такие красноречивые цифры: с 1962 по 1987 год (то есть за четверть века) «22 млн. гектаров освоенной пашни выбыло из сельскохозяйственного оборота, ушло под различного рода несельскохозяйственное строительство, под карьеры и другие объекты, а 6 млн. гектаров заросло кустарником». А если учесть, что за ту же четверть века мы потратили 60 миллиардов рублей, чтобы ввести в оборот 26 млн. гектаров, то спрашивается: зачем мы гробили эти миллиарды? Выходит, одной рукой мы улучшаем землю, а другой — губим? При этом с отрицательным балансом в 60 млрд. народных денег. Да что же это за хозяйствование?! И кто же конкретно так хозяйствует?

Некоторый свет на эту проблему проливает одно из сообщений Госкомстата СССР, в котором сказано: «из-за недостаточной природоохранной проработки канала Волга — Чограй принято решение о приостановке его строительства; в связи с высоким уровнем загрязнения окружающей среды в Волгограде строящееся производство базудина в объединении «Каустик»... будет перепрофилировано на выпуск другой продукции. Экологической экспертизой Госкомприроды СССР вынесены решения о нецелесообразности строительства Павлодарского завода белково-витаминных концентратов... Березовского химического завода... и ряда других объектов в связи с недостаточной проработкой вопросов их безопасности для окружающей среды».

А ведь и канал Волга — Чограй, который уже наполовину построен, и канал Дунай — Днепр, строительство которого тоже прекращено, и множество других «непроработанных объектов» не только проделали изрядную дыру в нашем бюджете, не только отхватили солидный кусок нашей вполне пригодной для хлебопашества земли, они еще и нанесли непоправимый ущерб нашей природе. Ущерб, который аукнется на наших детях и внуках.

Разумеется, «введение платы за землю, — говорится в докладе Н. И. Рыжкова, — наряду с предусмотренными проектом закона мерами экономического стимулирования рационального землепользования... должно приостановить безответственное отношение к земле». Но тут возникает вопрос об ответственности.

Кто и почему создавал «непроработанные» проекты? Какие лица проводили экспертизу этих проектов? Кто утверждал и финансировал их? И не пора ли создать механизм, который бы ставил заслон такого рода недоделкам, недоработкам, недосмотрам и недоразумениям? Притом заслон на самой первой стадии их возникновения. Чтобы не приходилось потом «перепрофилировать» уже построенное и строить саркофаги для недоперепрофилированного. Слишком дорого платит наш народ за некомпетентность тех, кто создает проекты, и беспечность тех, кто их утверждает.

Прав днепропетровский юрист: могущество ведомств еще не сломлено. И сломать его может только верховная власть страны. Народные депутаты СССР. Те, кому мы доверили свое будущее.

Юрий БОРИН.

Н. БЕЛЕВЦЕВ, г. Белгород.

ЕСТЬ ПЕРВЫЕ ЛЕКАРСТВА!

Да, читатель, уже можем твердо сказать: есть! Хронологически это выглядит так.

В начале октября, а точнее, в № 28 за прошлый год, Крокодил вместе с Минздравом выступил с инициативой: призвал тех, кто имеет валюту, пожертвовать часть ее на приобретение лекарств за рубежом.

В начале ноября того же прошлого года зазвонил редакционный телефон:

— Алло, это Крокодил? Гутен таг! Говорят из западногерманской фирмы «Байер»...

— А-а, наши старые знакомые!

— Да, Крокодил уже в № 26 знакомил с нами читателей. Так вот, мы ведь производим не только средства защиты растений, но и лекарства. И мы желаем участвовать в вашей благотворительной акции.

В том же начале ноября на территории Минздрава состоялась трехсторонняя встреча — руководителя фармбюро представительства фирмы «Байер» в Москве господина М. Нэссбаха, генерального директора Всесоюзного объединения «Союзфармация» товарища А. Апазова и корреспондента Крокодила.

Встреча прошла в теплой, дружеской обстановке полного взаимопонимания, или, как сейчас говорят, консенсуса. Господин, товарищ и корреспондент договорились принять с благодарностью предложение фирмы.

В начале декабря того же прошлого года Крокодил и объединение «Союзфармация» получили официальный документ на бланке фирмы «Байер», суть которого:

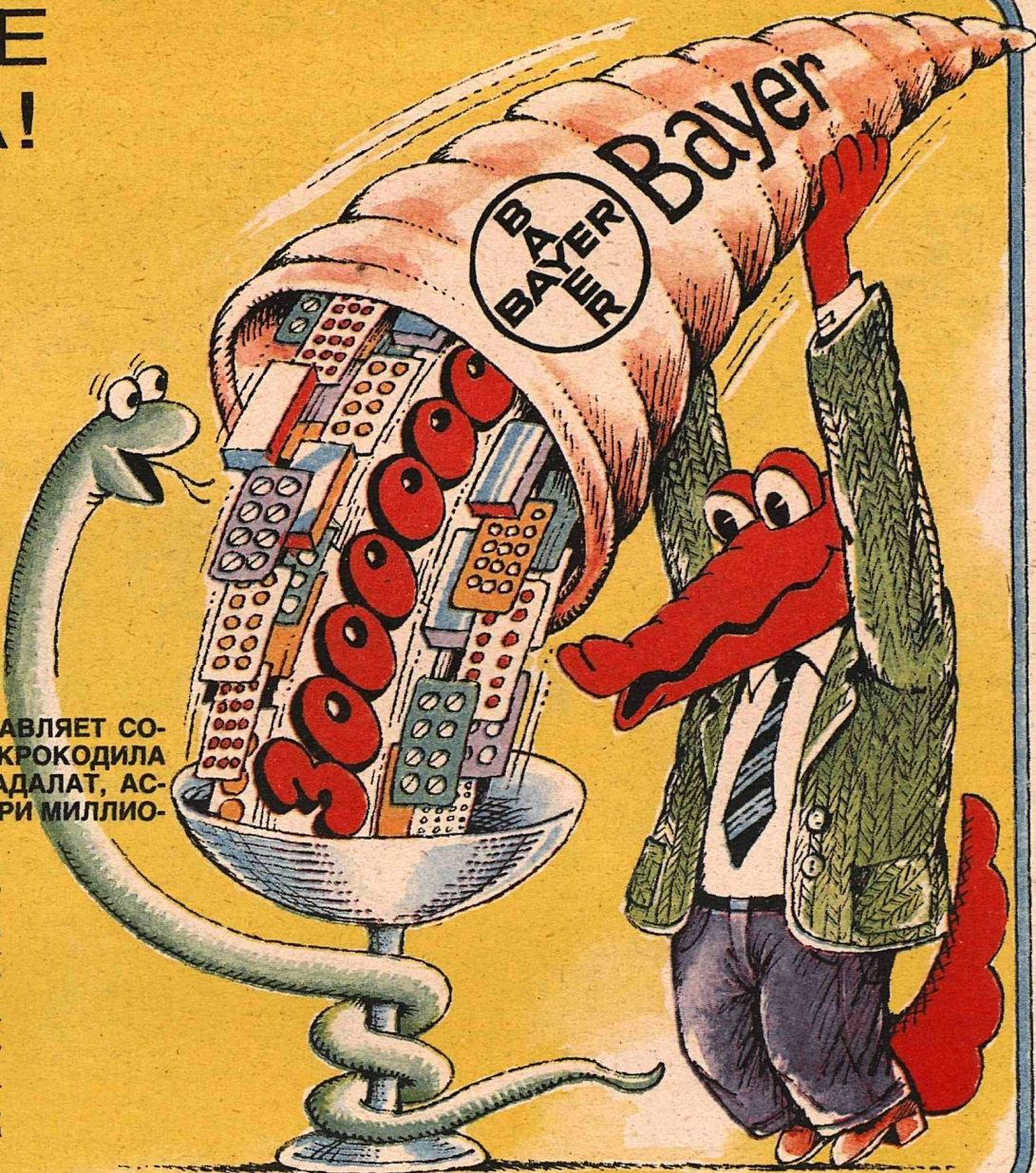
ФИРМА «БАЙЕР» БЕЗВОЗМЕЗДНО ПРЕДОСТАВЛЯЕТ СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ В СЧЕТ ИНИЦИАТИВЫ КРОКОДИЛА И МИНЗДРАВА ДЕФИЦИТНЫЕ ЛЕКАРСТВА — АДАЛАТ, АСПИРИН, ПАРАЦЕТАМОЛ — НА ОБЩУЮ СУММУ ТРИ МИЛЛИОНА МАРОК ФРГ.

— Мы рады посылить участвовать в этой благородной акции, — сказал господин М. Нэссбах. — Лекарства готовы, их можно получить хоть завтра.

— Мы, естественно, очень благодарны за этот жест доброй воли фирме «Байер», — ответил товарищ А. Апазов. — Тем более что лекарства эти очень нужны больным. Адалат в капсулах — это быстроусваиваемый препарат, регулирующий сердечную деятельность, аспирин — известное жаропонижающее и противовоспалительное средство (особенно он нужен для детей), а парацетамол поможет при головной боли, невралгии и вообще как болеутоляющее средство.

Крокодил, со своей стороны, от имени миллионов страдающих читателей также благодарит западногерманских фармацевтов, так щедро, оперативно и по-деловому откликнувшихся на наш призыв. Итак, фирма «Байер» начала. Кто следующий?

Гр. КРОШИН.

ВИЛЫ БЕРЕТ ЧИТАТЕЛЬ

«ТЕЛЕФОН — КИЯНОВУ!»

В апреле 1986 года я обменял московскую квартиру с телефоном на Ярославль.

Гражданин Киянов, студент-заочник, с которым я произвел обмен, сказал мне, что очередь на квартирный телефон имеется. Очередь на самом деле была, и я, после того как прописался по адресу: пр. Ленина, дом 46... — оставил в телефонном узле заявление о переводе очереди на мое имя...

Велика была радость, когда из почтового ящика я вынул карточку-счет на установку телефона, правда, не на мое имя, а на имя т. Киянова, который уже больше трех лет живет в Москве и пользуется бывшим моим телефоном.

Но в городской телефонной сети мне «отрубили»: «Телефон не вам, телефон Киянову, а вы — Солдатенков!»

По простоте душевной я записался на прием к начальнику городской телефонной сети. Попасть на прием к т. Матюшину В. А. не так-то просто: легче попасть на прием к президенту республики. Наконец меня записали на 5 июля.

Прихожу, конечно, в надежде... Барышня-секретарь спрашивает: «А вы назначены?» «Назначен», — говорю. «Фамилия?» — «Солдатенков». Барышня смотрит в журнал, водит пальцем. Любуюсь ее длинными крашеными ногтями и отчего-то начинаю волноваться. «Ждите!» — говорит барышня.

За дверью, кроме начальника, сидят еще двое. Здесь все происходит стремительно: «Фамилия? Записывались?

Телефона не будет! Телефон Киянову!» — «Но ведь в квартире, куда ставят телефон, проживаю я, а не Киянов!» — «Вам что, не понятно? Телефон Киянову, а не Солдатенкову!» — «Так что мне делать?» — «Вставляйте на очередь, через 10 лет поставим». — «Но я пенсионер, мне 63 года, у меня ишемия сердца, живу один». — «Телефона не будет! Телефон Киянову!»

Я еще долго пытаюсь объяснить, что в этой квартире живу я. Но начальник стоит на своем: извещение на установку телефона по адресу: пр. Ленина, д. 46, кв. 69 — прислано т. Киянову, а не Солдатенкову, поэтому никакого телефона не будет.

Едва доплелся до дома и свалился с приступом. Соседи звонили на «Скорую».

Уважаемые советские люди, объясните, я что-то не могу понять в этой ситуации: почему телефон можно поставить Киянову, а Солдатенкову нельзя? В кабинете мне ТРОЕ сказали: «Вам что, не понятно?!» А мне не понятно.

О. СОЛДАТЕНКОВ,
бывший кинооператор, дипломат
Всесоюзного VII кинофестиваля
научно-популярных кинофильмов,
ныне пенсионер,
г. Ярославль.

МЫ НЕ ЖМОТЫ!

Внимание! Все, кому приспичило на халюву урвать импортную электронику (ФРГ, Италия, Финляндия — устраива-

ет?), смело заезжайте на грузовике на завод «Москабель»: там прямо на заводской территории стоят полуразломанные ящики с импортным оборудованием. А шкафы управления, как правило, открыты: протягивай руку в проломы и выдирай электронные платы. А что, нам не жалко! Мы уже половину электроники с четырех финских линий оборудования для одножильного кабеля в пластмассовой изоляции профукали. И вообще мы люди ши-ро-о-кие! 7,7 миллиона рублей в эти финские линии уже вбухали, скоро еще миллион инвалютных рубликов для дуокомплектовки вбухнем — нам на техпереворужение никаких средств не жалко.

А что, мы сознательные! Хоть у нас заводская территория — сущий лабиринт, составленный из цехов, свалок хлама, свалок сырья, оборудования, полуфабрикатов и готовой продукции, где трудящиеся лавируют буквально в щелях между вагонами, ящиками и барабанами, задыхаясь от запахов фенола и прочей антиэкологической мерзости от родимого производства. Мы и в этих диких условиях бесшабашную широту натуры показываем: 40 процентов разгрузочной площадки «Москабеля» отдали заводу «Электропровод» под первалочную базу оборудования...

А чего нам не быть щедрыми? Личное оно, что ли, добро-то?

С. ГОРОХОВ,
корреспондент многотиражной
газеты «Знамя труда»
завода «Москабель».

БЕСПРОСВЕТНАЯ ЖИЗНЬ МАШИНИСТА

Как-то странно получается. Сначала исчезли сигнальные лампы для локомотивов. В кабине — хоть глаз коли. Только и спасались ручным фонариком или свечкой. Начали мы писать, бить тревогу, и сигнальных ламп стало навалом. Только вздохнули с облегчением, куда-то подевались прожекторные лампы. Тут уж фонариком не подсветишь рельсы, если только бежать впереди тепловоза со скоростью курьерского поезда с факелом в руке.

Снова жалуемся, пишем в МПС. Пообещали с начала 89-го года обеспечить лампами. Год кончается, а не видать не только света, но и просвета. Придумали прожекторную эстафету. Заходит локомотив на ремонт в депо, с него снимают прожекторную лампу и ставят на выходящий на линию. От частых переносов лампы горят, как бабочки.

Дорогой Крокодил! Не мог бы ты присветить кому-нибудь из начальства как следует? Попробуй, пожалуйста, все машинисты страны скажут тебе спасибо. Хотя я читатель опытный, могу предсказать ход событий лет на пять вперед. Отправишь ты мое письмо в МПС, а там придумают все что угодно, только не лампы в нужном количестве. В министерстве светло и без прожекторов, а наша беспросветная жизнь никого не волнует. С уважением

**машинист депо Кавказская
Н. СИДОРЕНКО,**
г. Кропоткин Краснодарского края.

АВТОР. Как феерически быстро меняется время. Еще каких-то десять лет назад мой коллега из «Крокодила» выезжал в тот же район Пермской области в командировку по такой «глобальной» теме, как отсутствие столика для пинг-понга в одном из местных домов отдыха. Не знаю, появился ли этот столик после его гневного фельетона... Во всяком случае, в том учреждении, где недавно побывал я, таковой имеется, впрочем, как и бильярдный стол с красочно выполненной по периметру надписью на английском языке «Лаки Хит» — точный удар. Эта надпись была сделана одним из «отдыхающих» — агентом американской разведки. Я не случайно закавычил слово «отдыхающий», ибо в учреждении 389/35, или просто «тридцатьпятьке», люди не отдыхают, а сидят. Это исправительно-трудовая колония строгого режима для «особо опасных государственных преступников». На протяжении многих лет этот лагерь испекал героев и мучеников. Через него прошли Буковский и Щаранский, Гинзбург и Марченко, Орлов и Якунин — люди, заклеенные липким застойным словечком «диссидент». Теперь «чистых» диссидентов здесь не осталось, и всего лишь три человека отбывают срок по злой 70-й статье («Антисоветская агитация и пропаганда») в совокупности с другими статьями. Не одно десятилетие понадобилось нам, чтобы понять простую истину: могучая современная держава не должна бояться направленной против нее агитации и пропаганды...

Население «тридцатьпяти» сейчас всего 29 человек. Это совсем немного, если учесть, что еще чуть больше года назад их было 105. Но это и немало, если вспомнить о том, что каждый человек — это целый мир, каждая судьба — это чья-то жизнь, единственная и неповторимая. Кто они, эти люди, облаченные в черные зековские робы, топающие строем на работу и с работы, играющие в бильярд и пинг-понг в свободное время? Моя цель — рассказать о них. О тех, кто выразил желание говорить со мной. «Не судите и не судимы будете» — так сказано в одной старой книге. Давайте просто войдем в этот лагерь (в качестве гостей, не в качестве «контингента», тьфу-тьфу, чтоб не сглазить!), заглянем в общежития, в медкабинет и в столовую, присоединимся к заключенным в их застарелой игре в пинг-понг с правосудием, с совестью, с самой жизнью.

...Металлический щелчок. Со скрипом распахиваются железные решетчатые двери — одни, другие, третьи. Табличка на стене: «Проход женщин без сопровождения категорически запрещен». Приглушенный лай собак. Часы на вышках.

НАЧАЛЬНИК ЛАГЕРЯ ПОДПОЛКОВНИК Н. М. ОСИН. Наше учреждение было организовано в 1972 году на базе Скальнинской ИТК для несовершеннолетних преступниц. Лимит наполнения нашей колонии 400 человек. Сейчас, как вы знаете, у нас только 29. Всех заключенных по 70-й статье освободили в 1987—1988 годах. Кого у нас тут только не было! Был и Щаранский, у него, кроме 70-й, была еще 64-я статья — измена Родине. Потом его обменяли на Корвалана, Владимир Буковский был «чистым» диссидентом, у него была только 70-я статья, сейчас бы его даже не задержали. «Чистым» «семидесятником» был и Юрий Орлов, доктор физико-математических наук, у него срок был 7 лет. Сейчас он живет в Америке, о нем в «Огоньке» пишут. Помню и священника Глеба Якунина, теперь он, кажется, опять в церкви работает. Что я о них сейчас думаю? Злости на наш строй у них хватало. Но к тем, кто добросовестно трудился, не нарушал режима, мы относились хорошо. И вообще — мы ведь не судьи — не мы их осуждали. Их к нам доставляли

с приговорами, и мы должны были исполнять...

Сегодня у нас на 29 заключенных три врача, штаты-то остались прежние. Питание хорошее, ежедневно снимаем пробы, в общем, сами увидите. Кто сидит? 13 шпионов, 9 человек, осужденных за бегство из СССР за границу, так называемые побегушники, в том числе некоторые за угон самолета, 7 военных преступников, служивших гитлеровцам. Этим последним мы условно называем карателями. Обстановка в колонии спокойная: с момента основания не было

В. ВИТАЛЬЕВ

ни одного преступления. До конца 1989 года еще трое освободятся, то есть останется 26. Мы за то, чтобы всех их освободили, чтобы со временем вообще не было побегушников, шпионов и карателей, пусть даже мы останемся без работы.

АВТОР. Здесь и впрямь спокойно. Насколько может быть спокойно в зоне. По дорожке, присыпанной первым снегом, мимо небольшого стадиончика с футбольным полем и волейбольной площадкой проходим к общежитию — двухэтажному приземистому дому с занавесочками на окнах. Сейчас здесь пусто: заключенные на работе. В большой, просторной комнате на стуле, придвинутом к тумбочке, сидит дневальный. Это заключенный Прокопов, отбывающий последние месяцы наказания за шпионаж в пользу США и Канады. Он пишет очередное обращение в Верховный Совет СССР об отказе от советского гражданства. После выхода на свободу хочет сразу же выехать на Запад. «Здесь ничего не добьешься», — поясняет он.

Согласно режиму, на двух заключенных положено иметь одну тумбочку. Здесь же вследствие малого числа осужденных начальство пошло на послабление и выделило каждому по персональной. Этот предмет очень важен для заключенного: только здесь он может хранить свои немудреные личные вещи — зубную щетку, ручку, бумагу, книги. На каждого здесь приходится примерно по 15 квадратных метров жилой площади.

На стене — плакаты с расписанием дня (подъем в 6.30, отбой в 22.30), образец заправки койки, норма снабжения имуществом: «шапка, головная убор летний, полуальто, шапка-ушанка, телогрейка ватная, костюм ХБ, сапоги резиновые, шаровары, валенки, майка (две), трусы (две пары)». На аккуратно заправленных одеялах — газеты «Комсомольская правда», «Рахва Хяля» (на эстонском языке), учебник иврита. На полочке будильник — один на всех. В углу в специальном шкафчике — проигрыватель с пластинками (заключенные называют это место дискотекой). Есть и специальная спортивная комната, где хранятся гири, гантели, хулахуп и почему-то гитара. В этом незатейливом мирке взрослые мужчины проводят долгие годы своей един-

ственной и неповторимой жизни. При мысли об этом становится жутко. Играет радио, и позывные «Маяка» звучат гулко и одиноко, как ночной телефонный звонок в пустом учреждении.

ЗАКЛЮЧЕННЫЙ ОСТАПЕНКО В. И., 1922 года рождения. Осудили меня за военные преступления в Белгородской области.

Да, я служил в полиции. Не по своей воле, понятно: если бы отказался, меня, наверное, расстреляли бы. Был рядовым полицейским. Нет, в действиях против советских граждан участия

ских граждан и столько же арестовано. Конвоировал вместе с другими полицейскими 30 советских граждан из Белгородской тюрьмы к месту казни в район бывшего монастыря. Перед расстрелом обреченные были раздеты до нижнего белья, а полицейские стояли в оцеплении и по приказу немецких офицеров подводили по одному арестованному к яме, где их расстреливал в затылок немецкий офицер Вилли Шварц. Также в числе других полицейских вывел из помещения школы в г. Сумы 300 советских военнопленных, которых построили в колонну и повели по дороге, пристреливая на ходу. Так были убиты 5 партизан и 7 военнопленных. Охранял место казни двух девушек, подозреваемых в связи с партизанами. Девушки были расстреляны...

АВТОР. Разговор с Остапенко происходит у здания производственного цеха. На первом этаже — заводик по производству полуфабрикатов режущего инструмента: протяжек, долбяков, фрез, наверху — небольшая швейная мастерская, где шьют чехлы для мотопилы «Дружба». Объем производства цеха — миллион рублей в год. Работа с 8 до 6, с одним выходным в воскресенье.

Лагерная столовая расположилась в большом деревянном доме. При входе — ларек, ассортимент которого по многим параметрам превосходит выбор на прилавках пермских магазинов. Здесь три сорта дешевого мыла, чай, пряники, масло, несколько сортов конфет и даже сигареты с фильтром, которых днем с огнем не сыщешь на воле. Ежедневно завозится молоко. Что еще? Повидло, консервы, маринованный лук, подсолнечное масло. Осужденный может оставлять здесь ежемесячно до 25 рублей своего заработка.

Одно из самых интересных мест на территории лагеря — это библиотека. Здесь хранится 4,5 тысячи книг. Библиотекарем по совместительству работает осужденный Ф. (он просил не называть его фамилию), бывший сотрудник советской военной миссии в одной из африканских стран и занимавшийся шпионажем в пользу США. За счет учреждения библиотека выписывает 4 центральных газеты, к тому же каждый заключенный может выписать любое периодическое издание за свои средства. «Мы выписываем все, — рассказал мне зек-библиотекарь, — и «Литературку», и «Знамя», и «Октябрь», и «Дружбу народов», и даже желтый «Огонек». Почему желтый? Потому что бульварный, конъюнктурный...» Забавное заявление для шпиона. Любопытно было также узнать, что «контингент» с интересом читает «Архипелаг ГУЛАГ» в «Новом мире». «Библиотечные формуляры имеют все 29 человек, — продолжал библиотекарь, — хотя из них активно читают процентов 40. Вообще здесь у нас тихо, спокойно. Ни мата, ни драк. Если ты нормально трудиться и нормально себя ведешь, то и отношение к тебе человеческое».

ЗАКЛЮЧЕННЫЙ ЩЕРБАКОВ А. В., 1947 года рождения. Вам, наверное, известна моя фамилия? Не припоминаете? Обо мне много писали. Вообще-то моя популярность создалась сама по себе, по мере моих высказываний и поступков. Я работал председателем районного добровольного пожарного общества в Брежневском районе города Москвы. Сейчас, говорят, его опять переименовали в Черемушкинский. Хотелось бы, кстати, чтобы и славный город Петра Великого получил бы наконец свое прежнее название... Да. Я всегда был противником Советской власти и считаю, что в октябре 1917 года русский народ потерял Родину. Те, кто тогда захватил власть, пользовались варварскими методами, наставили пулеметы

— Поутих вроде бы свежий ветер?

В. ПОЛУХИН. На конкурс «ГЛАЗАМИ ГЛАСНОСТИ».

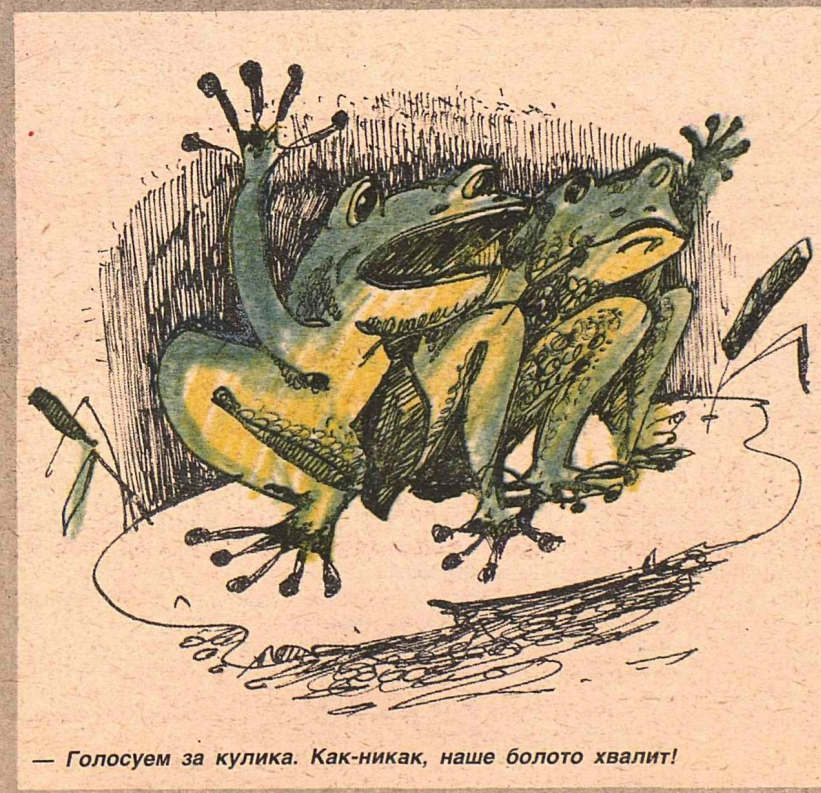

— Позвольте вручить вам медаль «Ветеран труда» и поздравить с достигнутыми успехами.

С. СПАССКИЙ, В. ВЛАДОВ (тема).

С. РЕПЬЕВ.

— Голосуем за кулика. Как-никак, наше болото хвалит!

Ю. МИХАЙЛЕНКО, г. Томск. На конкурс «ГЛАЗАМИ ГЛАСНОСТИ».

Рэм ПЕТРОВ

АГИТАЦИЯ КРАТКИМ КУРСОМ

На различных отрезках моего жизненного пути мне случалось бывать — правда, очень непродолжительно: политинформатором (8-й класс средней школы), агитатором (это уже после института).

Такое чистосердечное признание имеет одну цель: застолбить за автором моральное право на эту рецензию и со спокойной пропагандистской совестью высказать читателям почти все, что думает он о «Кратком словаре-справочнике агитатора и политинформатора» (руководитель авторского коллектива — В. Т. Сызранцев), выпущенном Издательством политической литературы в 1989 году, издание шестое, переработанное и дополненное.

Вот за эти два последних определения я и уцеплюсь для начала, а затем, выковыывая литкритическую цепь, доберусь и до обещанного мрачного вывода.

В чем беда таких словарей-справочников? Ответ прост, как их коленикорый переплет: в неизбежном отставании от быстротечной политической жизни последних пяти лет. Начну с мелочевки: на странице 87, например, упоминается о том, что создан Госагропром СССР, хотя известие о том, что он благополучно распухнул, дошло уже до самых отдаленных сибирских совхозов. Но это цветочки. Вполне преднамеренным анахронизмом звучит браво утверждение на странице 129 о том, что «в условиях плановой экономики производительность труда растет быстрее, чем в развитых капиталистических странах». Такая завидная уверенность делает попросту непонятными призывы наших лучших экономистов к перестройке хозяйственного механизма. К чему пупок-то рвать, граждане? Все равно ж мы лучше всех, и «Словарь-справочник» нас успокаивает, поведая в очередной раз об «углублении общего кризиса капитализма», сопровождаемого «нарастающим кризисом политических институтов, духовной сферы, давлением реакции по всем линиям». По каким именно линиям — разъяснений нет, важно, что по всем сразу.

На радость массовикам-затейникам из числа мрачных ретроградов составители не забывают и о культурной жизни. Очень примечательна тут статья «Дискотека». Дискотекам, как нам ответственно разъясняет «Словарь», необходимо «совершенствование руководства, постоянная забота о повыше-

нии идейно-художественного уровня программ, строгий контроль за подбором репертуара». Лично мне идеал видится таким: секретарь райкома в роли диск-жокея на обитом кумачом подиуме крутит нечто вроде «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью». А как же иначе, если дискотеки должны способствовать привитию юношам и девушкам «определенного иммунитета против проникновения в их среду буржуазных идей и нравов»?

Ну да ладно. В конце концов следующее, седьмое издание «Словаря», видимо, исправит разные досадные несовременности (впрочем, набегут ведь новые...). Теперь поговорим о вещах, более или менее вечных и непроходящих.

Тот же раздел «Духовная жизнь» просто-таки пленяет трогательной заботой о тех, кому, собственно, и предназначен «Краткий словарь-справочник». Забота выражается в том, чтобы не дать агитаторам, пропагандистам и политинформаторам забыть, кто они такие: в книжке приведены три отдельные статьи, разъясняющие смысл этих трех трудноразличимых категорий. Дальше — больше. Статья «Изобразительное искусство» сообщает несведущим, что «в И. и. велика роль рисунка, композиции, колорита, перспективы»; эта максима, бесспорно, ставит «Словарь-справочник» в один ряд с шедеврами мирового искусствознания. Вдумчивое прочтение других статей снабдит вас сведениями о том, что «анонимные жалобы» — это «безымянные письменные или устные обращения граждан», «карьеризм» — «погоня за личным успехом», а «свободное время» — «часть внеурочного времени, используемая для отдыха, учебы, занятий физкультурой» и т. д.; при этом читателю заботливо напоминают, что с анонимками и карьеризмом ведется борьба, а «свободное время для советских людей становится содержательней и полноценнее».

Но это, возможно, не самое главное. Будем считать — досадные упущения, с кем не бывает. Ведь значительная часть сведений, несомых «Кратким словарем-справочником», высокоактуальна, ибо, если судить по аннотации, дополнена «новыми терминами, а содержание всех терминов освещается с точки зрения современности». Имеются

в виду, конечно, такие статьи: «Авангардная роль коммуниста», «Активизация человеческого фактора», «Единство слова и дела», «Чистый и честный облик коммуниста».

Не знаю, как вам, дорогие читатели, но мне тут живо представляется такого рода сценка: агитатор, осаждаемый трудящимися; в их глазах — неподдельный интерес, на устах — вопрос: разъясни нам, что есть такое чистый и честный облик коммуниста? Агитатор, бледнея, лихорадочно листает «Краткий словарь-справочник» и после томительной паузы зачитывает собравшимся 7 требований к «Ч. и ч. о. к.» (аббревиатура не моя, а составителей. — Р. П.) и 6 способов борьбы за него.

Словом, у меня ширится вопрос: ну почему же серьезные вещи у нас в Отечестве вечно сводятся к примитивной словесной штамповке? Сегодня мы говорим о «А. ч. ф.» и «Е. с. и д.» так же, как десять лет назад внимали устойчивым словесным конструкциям типа «чувство глубокого удовлетворения», «монолитное единство», «широкая поступь» — да, впрочем, перечислять варианты газетных заголовков 70-х нет ни места, ни желания.

Как-то неясен мне сам смысл существования такого рода «Словарей-справочников».

Если скажут мне, что это крайне необходимый сборник официально, так сказать, одобренных формулировок, отражающих политику партии и правительства, то я возражу: не стоит ли политинформатору-агитатору просто повнимательней читать утренние газеты, а не лезть в цитатники в поисках спасительного, единственно правильного объяснения? Вместо того чтобы получать разжеванные откровения, имеет смысл самостоятельно разбираться, в чем, например, состоит сегодня роль коммуниста вообще и авангардная в частности.

Еще «Справочник» можно воспринимать как источник фактической информации. Например, на страницах 8—9 «Словаря-справочника» можно прочесть, что Октябрьская революция совершилась 7 ноября 1917 года под руководством В. И. Ленина, что «В. О. с. р. коренным образом отличается от всех предыдущих революций» и положила начало «смене капиталистической коммунистической формации»... Но,

простите, для кого эти самоновейшие сведения? Для агитатора, залетевшего из соседнего созвездия к нам на практику? Для политинформатора, страдающего полным беспамятством? Но если такие и объявятся, то к их услугам БСЭ и масса других вполне авторитетных изданий.

Статья «Словаря» с названием «Борьба против буржуазной идеологии» гласит, что «важнейшая цель Б. п. б. и. — воспитывать у советских людей высокую политическую сознательность и бдительность (ох, какое старое, знакомое словечко!), а также бороться против «изворотливости и беспринципности буржуазных пропагандистов».

Вот хотелось бы знать: а есть ли на идейном вооружении наших противников такая могучая боевая единица, как «Краткий словарь-справочник буржуазного пропагандиста»? В нем, очевидно, нашлось бы место такому устойчивым формулировкам, как «Активизация античеловеческого фактора», «Авангардная роль транснациональных монополий», «Чистый и честный облик воротил игорного бизнеса»...

Увы, товарищи, надобно заметить со всей серьезностью и высокой ответственностью, что адаптированная политология — сугубо наше, родное изобретение, уходящее корешками в те времена, когда, не вдаваясь особо в социально-политические тонкости, требовалось приобщить полуграмотный пролетариат хотя бы к азбучным истинам марксистского учения и социалистической идеологии. Но это тогда, а нынче-то образование у нас хоть и среднее, но зато практически всеобщее, и, казалось бы, кому нужны «Словари-справочники» наподобие рецензируемого?

Тут, видимо, нелишне будет узнать мнение издателей.

Вот оно.

Л. Н. БАРЫКИНА, редактор книги:

— Да, конечно, «Словарь» устарел, несомненен. Я не заблуждаюсь на этот счет, я ему цену знаю. Но что поделаешь? Время так быстротечно, а книги издаются у нас долго; «Словарь» подписан в печать еще в сентябре 88-го года. Кстати, недавно в периодике была опубликована критическая рецензия на наш словарь по научному коммунизму... Сейчас мы решили сделать перерыв, задержать такие издания, как «Спутник партгруппорга», «Книжка партийного активиста». Приостановили словарь по партстроительству; нам его авторы представили, мы его обсуждали, мы убедили авторов, что сейчас не время, мы ждем съезда партии...

— А когда определится новый этап партийной, государственной политики,

Игорь КОХАНОВСКИЙ

МОНОЛОГ РЯДОВОГО ЛИТЕРАТОРА

«Рыба тухнет с головы» — вот пословица, как плетка. Временами у молвы чутко слух и око зорко. Я не знаю, как у вас, а у нас в литературе бьет пословица как раз точно по номенклатуре. Я, простите, рядовой, но в иные генералы, что сегодня надо мной, выйти б не хотел, пожалуй. Потому что их чины непростой системой связей назаслуженно даны им в неведомом приказе.

А на деле быть должны обеспечены талантом. (Знаю, доводы смешны, как сужденые дилетанта.) Не ищите зря причин, почему, мол, заплотала, от каких препон-плотин (хоть и есть таких немало) обмелевшая река нынешней литературы. Ей и быть такой, пока принципы номенклатуры процветают в ней будут впредь. Вот в чем корень зла давнишний. Коль его не одолеть — разговоры все излишни.

Николай САМОХВАЛОВ,
специальный корреспондент Крокодила

ЛЕТАЮЩИЙ ПОРОСЕНОК

Кровавая история с вооруженным налетом и погоней

Жестокая поножовщина свершилась среди бела дня. Она не хотела умирать — убежала и визжала. Но силы были чересчур неравные. И пролилась кровь...

Но поведем рассказ сначала. Как водится, сначала свинья росла. Не по дням, а по частям. Когда к истечению трудовой смены труженики Аленкинского мясокомбината Акшиков, Истратов, Орехов и Яльцов почувствовали тягу к активной деятельности, они не сразу дошли до свинства. Пролетарии, воссоединившись, тянули из мясоперерабатывающего цеха только свиной оковалок — всего-навсего 7 килограммов. И потому на вырученные от продажи мясного куска деньги приобрели скромную порцию водки. Три бутылки на четверых — это слезы. Правда, они не скоро поняли трагедию. Поначалу чуть не пели, разливая. Слеза накатилась с последней каплей. Неуголенно пролив оковалок, труженики мясокомбината начали озираться окрест. Но водка — не груша, она на деревьях не растет. И тут, говорят, чей-то взгляд упал на штопор — он сильно смахивал на пирожачий хвостик. Последовал вздох облегчения:

— Будет свинка, будет и четвертинка!

Спаянные одной целью, пролетарии шеренгой двинулись на запах родного предприятия. Возле городского санэпидстанции наткнулись на автомобиль с крестом на боку.

— Требуется помощь! — застучали в окно. — Чем скорее, тем лучше — в горле пересохло! Пообещанное щедрое вознаграждение сулило водителю Кузнецову и его дружку Блинову,

скажем, после XXVIII съезда КПСС, тогда настанет черед для выпуска новых справочников?

— Не знаю, как насчет именно «Краткого словаря-справочника для агитаторов», но вообще такие издания мы будем выпускать...

— Так что можно сказать, что такие «Словари» являются как бы «толкователями» материалов съездов?

— Да, конечно! Тот же «Словарь» предварительно «обкатывался» в тех инстанциях, которые смотрят наше издание. Что-то убрали, что-то добавили... Потом пошло в работу. Когда были созданы статьи, опять мы посылали на просмотр. Смотрели разные категории рецензентов... Но, конечно, сейчас уже совсем другой взгляд на вещи.

СВАНИДЗЕ К. Н., заместитель главного редактора издательства:

— Вам кажется «Словарь» несколько старомодным? Естественно... Если бы мы сейчас создавали что-то подобное — да мы, собственно, и создаем, — то многие моменты звучали бы совершенно иначе. Общество наше ушло далеко вперед... Это судьба любой книги по общественно-политической тематике...

— Так нужны ли такие справочники, если учесть хотя бы их неизбежное и немедленное «устаревание» из-за долгого производственного процесса?

— Ну как же так! Почему же не нужны? Тогда вообще нужно все остановить и ждать, когда наконец все в политике окончательно будет «в лучшем виде»...

— Но ведь общественно-политическую информацию уместнее всего получать из газет, по телевидению...

— Тем не менее агитатор и политинформатор требуют такого рода изданий! Мы знаем это, ездим по командировкам, встречаемся на местах... Мы выпускаем книги, которые пользуются спросом!

Так-то! Может быть, кто-то из читателей думал, что тот же «Краткий словарь-справочник» расовывают лихорадочно и насильно по книготоргам, христардно умоляя или идейно настаивая? Да нет, ничуть не бывало. «Союзкнига» исправно ежегодно собирает по всем градам и весям заказы, вчетверо превышающие планы и вдвое — возможности Политиздата.

И мрачный вывод-диагноз, мне кажется, таков: стойкая привычка к суррогатам.

Наверное, постепенно пройдет. Но процесс хочется ускорить, чтобы дождаться-таки повсеместной пульсации самостоятельной общественно-политической мысли без спасительных подсказок крупнотиражных толкователей.

— Хрустальные?
— Кооперативные...

В. МОЧАЛОВ, М. ВАЙСБОРД (тема).

оказавшемуся рядом в кабинке, весьма скорые две бутылки. И они не устояли. Помчались на предельной скорости от санэпидзабот.

Слаженный коллектив от «А» до «Я» проник на мясокомбинат, как зафиксировано в строгих документах, «путем свободного доступа». Однако в знакомом мясоперерабатывающем цехе он не обнаружил этого самого мяса. Может, не заговорили, а может, успели растащить другие.

И вот тогда пришло оно — смелое решение: взять свинину живьем. В горячем бою.

От рукопашной уклонился Истратов: понимал, чем это может кончиться для него, уже привлекавшегося за хищение госимущества. Акшиков свою судимость не считал помехой новым подвигам. Орехов о таковой давным-давно успел позабыть напрочь. А самый молодой, Александр Яльцов, много раздумывать вообще не любил. Поэтому коллектив от «А» до «Я», потеряв букву «И», не дрогнул. Он безоглядно наступал на кошару, где пребывал ничего не подозревающий скот. Облюбованный гладкий поросенок повел себя по-свински — убежал и сопротивлялся до последнего визга. Но куда против профессионалов? Загонщик скота Акшиков, хоть и нетвердо стоял на ногах, не ударил лицом в грязь — мертво зажал в кулаке хвост-штопор. Бойцы скота Орехов и Яльцов атаковали поросенка со стороны пятака.

Оценили добычу по достоинству только тогда, когда тушу перебрасывали через забор.

— Не менее центнера поросенок! Чисто свинья!

— Сто четырнадцать кг, — с точностью до грамма определил опытный боец Орехов.

Свинью водрузили в «Скорую». Воровали открыто, ничуть не таясь — то ли дело казалось чересчур обыденным, то ли торопились чрезмерно. Эта вопиющая беззастенчивость возмутила охранника с соседнего объекта — шубной фабрики. Снял он телефонную трубку и проинформировал коллег с мясокомбината о летающей свинье.

Погибшая хавронья мчалась чуть ли не с сиреной по шоссе, утомленные бойцы клевали носом в колючую щетину, водитель Кузнецов с дружкой Блиновым мечтали о том, чтобы успеть истратить двадцать рублей вознаграждения. Всеми этому подвел черту милицейский жезл...

На похитителей поросенка завели уголовное дело. Вот такую свинью подложил своим непутевым работникам Аленкинский мясокомбинат «путем свободного доступа».

Встать — суд идет!

Нет, присядьте, уважаемые читатели. Ибо приключения аленкинского поросенка на этом не закончились.

Строгий Йошкар-Олинский городской суд под председательством Н. Фоминых с участием прокурора Е. Шелудяковой вынес похитителям-центнера острodefицитного мяса далеко не тягостный приговор. Неугомонным бойцам мясокомбината Орехову и Яльцову отвесили наказание в виде двух лет исправительных трудов по месту работы с удержанием 20 процентов из зарплаты. Умелому загонщику Акшикову — 1 год ИР. Водителю «Скорой» Кузнецову — 1 год условно, с испытательным годичным сроком.

— А легче наказать не могли? — возмутился прокурор г. Йошкар-Олы В. Остапчук. — И это воспитательная мера! Какой урок другим? Такими карами мы покончим с разгулявшейся преступностью?

Прокурор города принес кассационный протест в Верховный суд Марийской АССР. Президиум приговор отменил, дело направили на новое судебное рассмотрение в другом составе.

Строгий Йошкар-Олинский городской суд под председательством И. Васюкова с участием прокурора Е. Шелудяковой приговорил Акшукова, Орехова, Яльцова к 3 годам заключения... с отсрочкой приговора на 2 года.

— Совсем освободили от наказания! — ахнул прокурор Остапчук.

Нет, кара похитителей поросенка настигла. Приговором суда вышеуказанной троице «запрещено посещение винно-водочных магазинов, кафе-ресторанов с целью приобретения и распития спиртного».

Думается, это самое жестокое наказание для постоянных клиентов винного прилавка Акшукова, Орехова, Яльцова.

Вот такую свинью подложил выпивохам-любителям украденный ими поросенок.

Только не совсем понятно: кто станет сторожить удалую троицу, дабы она «не строила» возле первого попавшегося гастронома? Может быть, строгий суд приставит к каждому по милиционеру на эти два года?

И второе. В суровом приговоре ни слова не сказано о самогонке. Ведь если ребятки переключатся на данный легко добываемый днем и ночью продукт, сколько потребуется закуски? От Аленкинского мясокомбината останутся рожки да ножки.

Так что, возможно, самую большую свинью подложил Йошкар-Олинский горсуд мясокомбинату.

г. Йошкар-Ола.

ОТ ВЕЛИКОГО ДО СМЕШНОГО...

(Выпуск второй)

В первом выпуске этой рубрики (№ 22, 1989 г.) мы, если помнит читатель, говорили о том, что впервые за много лет в советском парламенте заседают не голосующие манекены, а совершенно живые люди — с бурными и тихими эмоциями, с серьезными намерениями, с чувством юмора и без него... То есть на первом Съезде было все — от великого до смешного. Отсюда и название рубрики. Но с окончанием первого Съезда не прекратилась совместная работа народных депутатов — прошли с тех пор две сессии Верховного Совета СССР, стал уже историей и второй Съезд. Словом, великое дело демократизации продолжается и даже, можно сказать, набирает темп, расширяет свои границы. Вот и еще одно тому подтверждение,

Председательствующий. Товарищи, Николай Николаевич изложил свое кредо, по-моему, написанное не только от сердца, но и от руки...

Олейник Б. И. Поскольку хозрасчет грубо вторгается и в духовную сферу, что категорически противопоставлено, режиссеры вынуждены завлекать зрителя чем угодно, вплоть до «постельных историй» с весьма интимной детализацией. Я, конечно, товарищи, не ханжа и знаю, что дети берутся не от аистов, но все-таки есть время и место действия. Дома — пожалуйста, но на сцене... У меня такое впечатление, что исполнители хотят продемонстрировать не только свои морально-этические качества, но и тактико-технические данные...

Попов Г. Х. Может, пора остановиться, может, пора понять, что в странах, где нет достаточно яиц, никто на государственном уровне не решает, сколько яиц должна в среднем производить одна несушка. Видимо, некоторым нашим руководящим товарищам пора оставить курицу-несушку в покое, пусть она живет со своим петухом и в благодарность за свою самостоятельность обеспечит нас достаточным количеством яиц.

Деденева Н. Н. Я обращаюсь к вам, женщины. Нужно заставить сильный пол работать и прекратить болтовню и демагогию.

Лавров К. Ю. Альтернатива этому — бесконечная говорильня с призывами друг к другу помочь культуре и деградация народа, у которого оставлен почти единственный вид досуга и развлечения — бутылка водки, которую по-прежнему надо добывать с боем...

...Особенно отличаются, к сожалению, писатели. Раскалываются, делятся, проводят скандальные пленумы, используют свои перья не для написания романов, а для штыковых атак друг на друга. Не лучше ли заниматься творчеством? Народ и история со временем рассудят, кто из вас Пушкин, а кто Булгарин...

Белов В. И. Новые экономисты оправдывают «пьяные» миллиарды бюджетным дефицитом. Но, товарищи министры, а что будет с бюджетом, если миллионы пьяниц завтра очнутся и навсегда перестанут опохмеляться, объявят, так сказать, забастовку?..

Матюха В. Н. Депутат Попов с этой трибуны рассказывал нам, как правительство считает яйца. А я думаю, что если мы от рабочего и до Председателя Совмина СССР научимся их считать, тогда увидим, что из российской курицы их пытаются выдавить по два в день...

персонально для Крокодила: отныне и он полноправный участник процесса — его парламентский корреспондент Григорий КРОШИН абсолютно официально аккредитован в парламенте. И получил свое законное место на балконе Дворца Съездов.

Таким образом, Крокодилу теперь нет необходимости просиживать до поздней ночи (а потом из-за этого опаздывать на службу) у телевизора, чтобы не пропустить что-то великое либо что-то смешное — он ныне имеет счастлиную возможность наблюдать все воочию, а читатель — получать информацию непосредственно от Крокодила, так сказать, из первых лап... Итак, мы продолжаем:

Горлов Г. К. А как оскорбила наших женщин товарищ Старовойтова. Назвала их и «полом», и «потолком», и еще как-то...

Энгвер Н. Н. Вы что думаете, что «Московские новости» врут, что ли? Было. Я Даниилу Гранину верю больше, чем вам. И если уж на то пошло, если решать, с кем мне идти в перестройку, с Горбачевым, или с Лигачевым, или с кем-то из секретарей обкома, то я пойду с Горбачевым, я с ним — в одном окопе. И прошу вас поддержать.

Исхаки Ю. Б. Прежде всего хочется сделать замечание Президиуму и председателю. До каких пор вы будете принимать бумажки? Дисциплинированные, интеллигентные люди идут в Секретариат. Все безобразники идут сюда...

Второе. Понимаете, надоело смотреть на части тела, обратные фасады. Некоторых депутатов мы узнаем уже не по лицу, а по их спине...

Мунтян М. И. Вы заявили на весь зал и по телевидению, что к Четвертому управлению Минздрава СССР прикреплены уже полторы тысячи народных депутатов СССР. Это создает такое впечатление, будто народные депутаты, борясь с привилегиями, одних оттуда попросили для того, чтобы прикрепиться самим...

Травкин Н. И. Уничтожили единственную в стране школу подготовки предприимчивых кадров. И теперь мы за валюту готовим их под названием «менеджеры». Действительно, вспомнишь кота Матроскина из Простоквашино, когда он почтальону Печкину говорит: «Средств у нас хватает, ума у нас не хватает...»

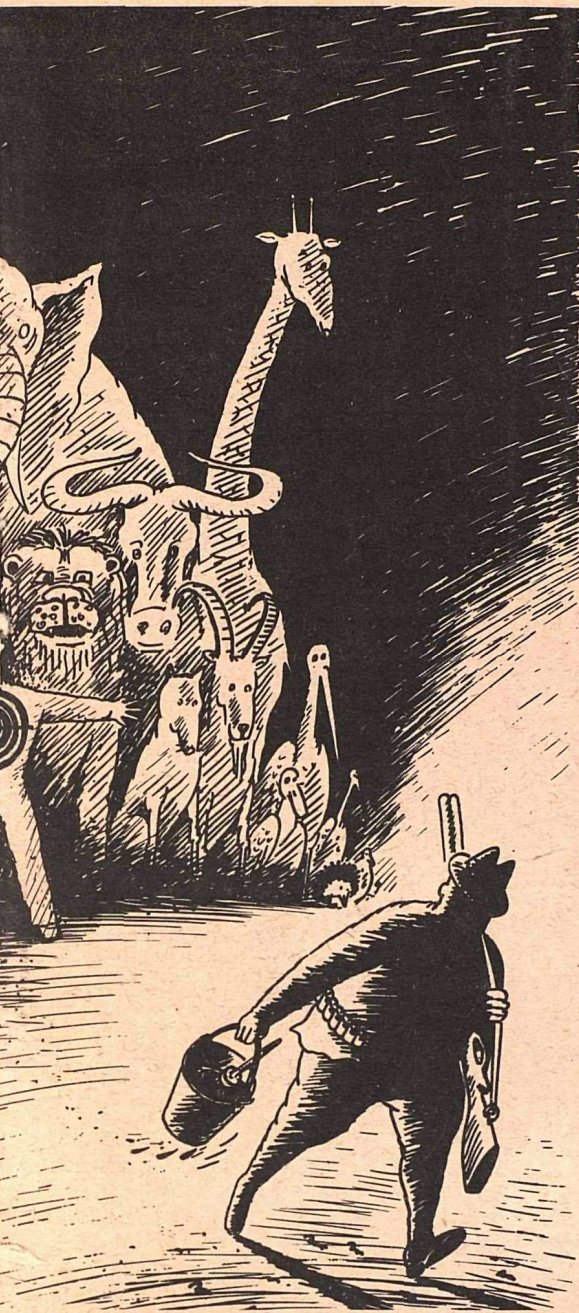
...Давайте решаться, а то приезжают деятели из турне «оттуда» и два месяца языком цокают, как там все прекрасно. А выходят на трибуну и говорят: не поступимся принципами, идеалами. Давайте не будем поступаться. Но тогда товарищ Ненашев пусть прекратит по Центральному телевидению показывать провинциальную Америку, чтобы общество не бесилось. Смотрим, что там свинью колот одноразовым шприцем, и становится дурно...

НАД ЧЕМ СМЕЕТЕСЬ, ДЕПУТАТЫ?

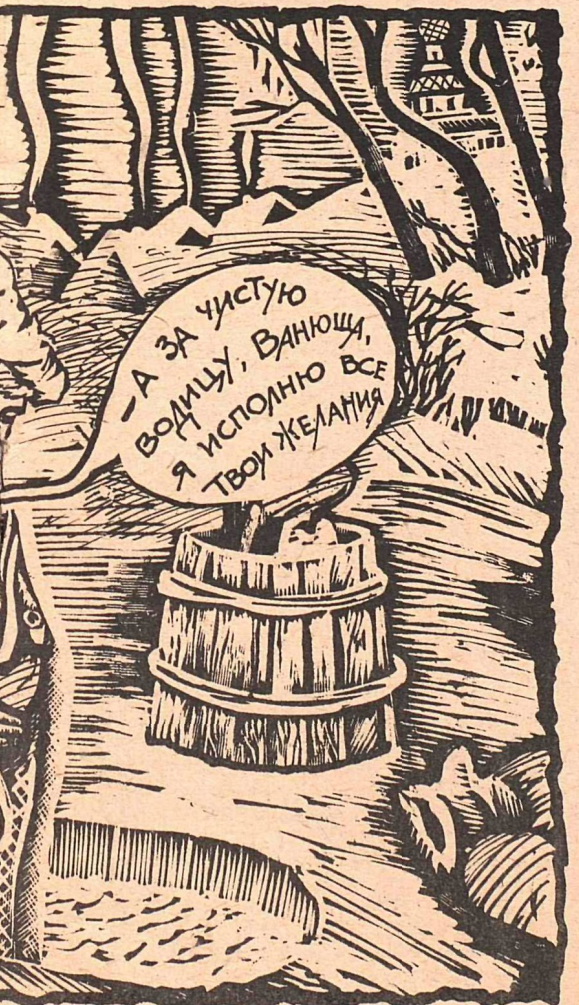
Старовойтова Г. В. Давайте перестанем обижать и женщин, которые здесь очень много говорили в предыдущие дни работы Съезда о своих особых правах, о каких-то особенностях. Когда я это слышу, мне хочется спросить моих подруг: а на что вы, товарищи женщины, намекаете? Я плохо понимаю. Давайте не будем создавать впечатления, что пол женщин — единственное их преимущество. Ведь кто-нибудь может подумать, что пол женщин и есть их потолок...

Яблонко Н. В. И мы докладывали «наверх», что у нас люди пьют все меньше и меньше, хотя и видели, что из магазинов исчезают чистящие средства, гуталин и прочее. И наши руководители могли бы предусмотреть, что, поскольку нашему народу принадлежат великие открытия, лучший в мире самодонный аппарат будет произведен на нашей родине...

А. УМЯРОВ.

М. ЛИТВИН, г. Харьков.

По селению разнесся слух:

— Старый Гамат разводит-ся с женой!

Люди качали головами:

— Ему восьмой десяток пошел, столько лет прожили, дети — и то уже состарились. Что с ним случилось?

Спрашивали жену Гамата Гену, она только плакала, вытирая слезы фартуком.

Весть о разводе дошла и до города. В селение примчался старший сын Созур. Он завел с отцом «мужской разговор».

— Дело в том, — объяснял старик, — я хочу уехать, а она не хочет.

— Куда?! Зачем?!

— Гм... я еще не придумал. Наверное, в Норильск... Или в другой город...

— Но зачем, отец? Ехать на старости лет черт знает куда?!

— ...а, может, в Магадан? — задумчиво сказал Гамат, пропуская слова сына мимо ушей.

— За границу?! — возопила подслушивающая Гена, которой послышалось «Хамадан».

— Хоть и в Хамадан! — озлился Гамат. — Только от тебя подальше. Не хочу больше жить с такой бесхозяйственной женщиной.

Созур только руками развел:

— Ну, уж если она бесхозяйственная... У вас тут чего только нет! Куры, гуси — не считано. Индюки — каждый ростом с всадника. Барашков — уж не знаю сколько.

— И я не знаю. А только знаю — как помру — она все это добро по ветру пустит.

Оказывается, Гамат случайно услышал, как его супруга, судача с соседкой, критиковала третью соседку за то, что та справила поминки по усопшему мужу недостаточно пышно.

— И не стыдно ей, — вздыхала Гена, — быка купить пожалела. Только тощие барашки да индюки. Уж я бы для своего хозяина не одного быка, а и на девять дней, и на сорок дней, и на годовщину... Из кожи вылезу, дом продам, а поминки будут, как у князя. Наш хозяин заслужил.

А «хозяин», вместо того чтобы порадоваться таким обещаниям, наоборот, разъярился:

— Выходит, я всю жизнь трудился, чтобы обжоры и пьяницы в один присест слопали всю мою живность!

— Но ведь так заведено, отец! — увещевал его Созур.

— Мало ли что. Газеты читаешь? Надо ломать эти... как их... стерво, стерво...

— Стереотипы, — машинально подсказал Созур.

— Да. Вот эти самые. Их надо ломать. Вот скажи: есть у вас в городе мясо? Ага, по талонам, а в магазинах? Нет? И не будет никогда.

— Это почему? — оторопел сын.

— Потому. Я этот вопрос вот как изучил! — хвастливо заявил Гамат. — Потому что у нас чуть кто чихнет — режут барана, а то и быка. Каждый покойник на тот свет с собой уводит быка, а то и двух, а бараны и в счет не идут. Уж не знаю, кто их там пасет... Вот возьми, к примеру, Бидина. Умер у него дед. Не рано умер, 94 года ему было. На поминки зарезали быка и бычка, шесть баранов. На девять дней опять бычка. На сорок дней трехлетку завалили. Уже ковры продают, чтобы на годовщину крупнорогатую скотину зарезать... У Даде сын женился — корову зарезали, а они через три месяца развелись. Второго сына из тюрьмы выпустили — уж такой тарарам был! Даже из Кабарды гостей натащили. А он опять за свое: что-то

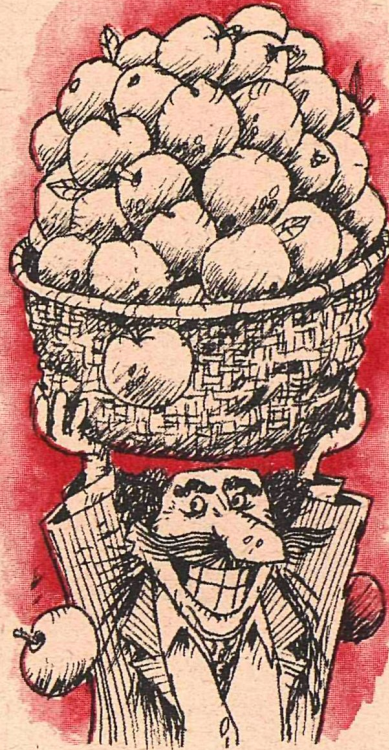
японское украл и снова загремел на три года.

В комнату ворвалась зареванная Гена:

— А сам-то на Симоновой свадьбе небось шашлык с аппетитом ел! — обрушилась она на мужа. — И пивом запивал, не жалея.

— От этого поила у меня четыре дня печенка болела, — пробурчал старик. — Но ведь обидно, сынок, отдать пять туманов* и даже не покушать, не попить в свое удовольствие...

Елена ЦУГУЛИЕВА

...И ДОШЛО ДО РАЗВОДА...

Рассказ

— Для уважаемого человека ничего нельзя жалеть, — снова вступила Гена. — Вот когда скончался Тадж, сколько скотины зарезали! И правильно: ведь он был большим начальником.

— Слыхали? — ядовито сказал Гамат. — Значит, так: чем старше начальник — тем больше надо загубить скотины. А если, не дай бог, помрет наш председатель исполкома — почтенный человек, я с ним знаком, значит, на поминки нужно зарезать по меньшей мере слона. Но где его взять?

— С Индией у нас неплохие отношения, — пробормотал Созур.

— У нас при таких порядках скоро теленок станет такой же редкостью, как... тигр или эта... с длинной шеей. Сколько у нас было верблюдов! Запросто шлялись по степи. А теперь где они? Из синтетики башлыка не сделаешь.

— Мать, у нас сегодня будет обед или нет? — это Созур.

Обед, конечно, был. Но не бык, не барашек, а соус из курицы. Пирог с тыквой. Только что сорванные

* Туман — десять рублей.

с дерева сливы. Обедая, Созур ломал голову над тем, как уладить конфликт. И вечером снова вернулся к обсуждению проблемы.

— Для разведенного мужа она не обязана делать поминки, — втолковывал сыну Гамат. — А там, куда я уеду, меня никто не будет знать. И тем более...

— Но что ты там будешь делать?

— Наймусь в ночные сторожа, — брякнул старик. Это услышала из соседней комнаты Гена и зарыдала в голос, представив себе, как ее старый муж морозной ночью в чужом краю отбивает продуктовый склад от вооруженных бандитов. Ее еле успокоили.

...Поздней ночью Созур растолкал отца и шепотом сказал:

— Отец! Мы все уладим. И уезжать тебе не надо.

Гамат продрал глаза и вопросительно посмотрел на сына.

— Все очень просто. Ты должен написать завещание...

— Я еще никогда не писал завещание, — проворчал Гамат.

— Но ты раньше и не умирал, — успокоительно сказал сын. — Ты только скажи, чего ты хочешь. Чтобы совсем не делали поминки?

— Ну... Я что, не человек, что ли? — обиделся Гамат. — Но пусть не режут скотину. Хватит с них кур и индюков. Пусть хоть всех зарежут, я даже рад буду: у меня от их крика всегда голова болит.

Старик спустил ноги с кровати и конфузливо зашептал:

— Мне бы, конечно, хотелось, чтобы меня кто-то поминал добром. Я вот в газетах все время читаю «мыло — сердие, мыло — сердие!».

— Хорошее слово, — улыбнулся Созур.

— У нас все слова хорошие, — брюзгливо сказал старик. — Вот дела не всегда... Так я вот о чем. Чем поить и кормить пьяниц и тунеядцев, пусть твоя мать каждый месяц напечет пирожков и относит...

— Куда? На кладбище?

— Это еще зачем? Есть куда носить. Ну, дом престарелых, там одинокие старики, от которых отказались собаки-дети. И есть сиротский дом, там дети, которых бросили собаки-матери. А самое главное — молодые военные инвалиды. Ну, и старые тоже. Их некому побаловать. Уж ты проследи.

— Все будет по-твоему, отец, — ласково сказал Созур. Он явно был расстроган, но сдержался и сказал совсем другое:

— Отец, ты только не сердись на мои слова, но мы не подумали об одном: а вдруг если мать раньше нас покинет, чем ты?

— Ой-ой! И как это мы не подумали!..

— Ну, вот что. Может быть, пусть и она напишет завещание? И тогда ты будешь заниматься «мыло — сердием»?

— Это можно. Но ведь я не буду разносить пирожки. Я — мужчина!

— Ладно. Завтра еще что-нибудь придумаем. А теперь я спать хочу...

...И снится Гамату, что он идет по улице города в новом бешмете. Его сопровождает целый взвод соседских мальчишек. Они тащат корзины, полные краснобоких, сочных яблок, которых так много в саду Гамата. Эти яблоки сегодня будут отнесены в дом престарелых.

Но интереснее всего то, что и Гена не померла. Она жива-здорова и занята выпечкой пирожков, которые завтра будут отнесены в детский дом. Гамат во сне удивился своей сообразительности и захрапел еще пуще.

КАЧЕНИЕ ПРАВ

На правление управы,
правоведов поправ,
я исправно заправил
про неправильность правил
и бесправие прав:

— Правомерно ль расправой
правоту выправлять?
Без приправы из справок
заправила не вправе
управлять-направлять.

Тут заправский исправник
(костоправ и правша)
правосудие справил,
с правой справно ка-ак вправил.
Правовверные — ша...

Я не праведник, право.
Эй, правители, правы!
Уж я правду подправлю,
переправлю, исправлю...
Прапраправнук, я прав?

ОРИЕНТИР —
БАРАНЬИ ЛБЫ *

*Преферансистам, сражающимся
в альплагерях, посвящается*

Раскрыты карты. Бой — судьбе.
Непроницаемые лица.
Налево — киритесь Казбек.
Направо — мгла! — Памир дымится.
Гонимы жаждою борьбы,
штурмуем горы. Риск — награда.
Ориентир — бараньи лбы.
Друзья не дремлют.
Помощь — рядом.
Труба, конечно, впереди.
Как манят пики! Крест и черви
вселяют страх. Ходи и бди:
вот-вот сорвешься. Крепче нервы!
Но лезу, лезу и... устал.
Сдаю... В руках горит страховка...
Мне помогают... Я пропал...
Одно спасение — веревка.
Вновь помогают мне друзья.
Эх вы, которые на даче,
всю жизнь пасующие!.. Я
дошел... Пусть неудачник плачет.

* Бараньи лбы: а) скальные выступы,
сглаженные ледником,
б) бараньи лбы.

ДОРОГИ, КОТОРЫЕ
МЫ ВЫБИРАЕМ

Вода течет к воде.
Беда идет к беде.
Вино идет к еде.
Кино идет везд.

Часы идут к часам.
Усы идут носам.
А кто и сам с усам
идет в универсам.

И все по мере сил
Куда-то держит путь.
Тогда и я решил
пойти куда-нибудь.

Меня вдруг обуял
бродяжничества раж.
Я авторучку взял,
бумаги пачку взял,
слегка насочинял
и вот пошел... в тираж.

ЭПИТАФИЯ
НОМЕНКЛАТУРНОМУ
ХОЛОПУ

Усердья образец уносит Лета.
Пропали должность, связи и судьба.
Ты рьяно стал «выдавливаться раба»
и выдал себя из жизни этой.

Н. КВИТКО, специальный корреспондент Крокодила

КОРОБЕЙНИКИ
на внешнем рынке

В наше бурное перестроечное время многие слова зазвучали как-то по-новому. Взять хотя бы простое итальянское слово «валюта». В сочетании с прилагательным «конвертируемая» оно приобрело поистине глобальное значение.

И это понятно. Ведь именно конвертируемая валюта может нынче сильно помочь нам разжиться самым-самым необходимым.

Но у нас слово «валюта» чаще всего употребляется вместе с глаголами «не имеется», «не водится», «недополучили», «не хватает», «недостает» и т. д.

А почему? Ответ на этот вопрос многолик, как мифологическая гидра. К одной из ее голов прикоснулся спецкор Крокодила.

В частности, выяснилось, что десятки тысяч контейнеров подолгу стоят в портах без движения. В один из дней конца прошлого года 7 тысяч контейнеров, наполненных 150 тысячами тонн разного экспортного добра, взамен которого мы можем получить искомую валюту, застряли в шести морских портах потому, что неизвестно было, куда их надо отправлять. Только и всего. Превращенные в своеобразные кладовки, они наносят непоправимый ущерб нашей и без того хромающей на обе ноги экономике.

К примеру, в упомянутых шести портах по этой причине покоились 500 контейнеров, принадлежавших объединению «Союзхимэкспорт». Я обратился к руководителю этой солидной фирмы В. А. Рудневу с естественным вопросом: «Почему?».

Глава фирмы переадресовал меня к начальнику транспортного отдела В. Орлову. Но тот без промедления официально заявил, что таких «неразряженных контейнеров» у них нет, потому что их не может быть! В доказательство были извлечены два гроссбуха, в которых подшиваются наряды завода на отправку их продукции за рубеж. В нарядах все было о'кэй. Вспомнилась поговорка: гладко было на бумаге... А в портах громоздились контейнеры с химвородами, но «беспаспортных», в гроссбух не попавших, о чем руководители объединения не знали, или забыли, или...

Еще два скопления контейнеров — двести штук — в портах Измаила и Мариуполя заинтересовали спецкора, когда он узнал, что долгие месяцы, от двух до четырнадцати, в них околочиваются несколько тысяч ничего не охлаждающих холодильников «Атлант». Почему? Какое непреодолимое препятствие не позволяет им двинуться за рубеж?

Как объяснили мне в нашей внешнеторговой экспедиторской фирме «Фрахтсервис», зарубежные покупатели потребовали дополнительной проверки качества холодильных агрегатов, поскольку их почему-то не устраивала ржавчина на отдельных узлах ранее купленных холодильников.

Позвонил я в Минск замдиректора «Атланта» по сбыту тов. Полянскому. Он страшно удивился и заявил, что к холодильникам в порту никакого отношения не имеет. Задача т. Полянского — отгрузить их с завода.

Какие удивительные совпадения! Одни не знают, что творится с их экспортом в портах, другие рады, что вытурили свой экспорт за проходную, и опять все о'кэй!

Впрочем, внешнеответственные знатоки утверждают, что легче платить за стоянку контейнера в порту 14 рублей в сутки, чем, например, проверять качество и устранять огрехи в экспортируемой продукции. Тем более что эти штрафы не из личного кармана...

Значительно солиднее оказались в тот день контейнерные завалы с грузами В/О «Легпромэкспорт»: их было более полутора тысяч.

Для беседы со спецкором Крокодила созвали небольшой симпозиум, участники которого были сплошь заместителями директоров различных фирм, входящих в экспортное объединение. Замдиректора нарисовали страшноватую картину.

Более года, например, в порту Ильичевск стоят сорок контейнеров с вельветом. Тем самым, который только вчера был супермодным! Но случилось обычное: мода ушла, шестьсот тысяч метров никому за рубежом не нужной ткани осталось в контейнерах.

— Почему же вы ожидали целый год, а не сразу бросили вельвет на внутренний рынок? — нервно спросил я. — Уверен, что в нынешней ситуации он бы не залежался.

О, святая простота! Я не знал, как, наверное, и многие наши читатели, страшных тайн экспорта тканей, пряжи и прочего легпромского добра. Оказывается, вельвет, идущий на экспорт, у нас особенный: в нем есть все, кроме того, что, собственно, делает его вельветом, — тех самых выпуклых рубчиков из уточного ворса. Поэтому он называется СУРОВЬЕ, т. е. неотделанная ткань. Отделку уже ведут там, у них, что, безусловно, снижает ее цену.

— Неужели, — не уставал изумляться я, — на наших фабриках не могут выделывать эти миленькие выпуклые рубчики?

— Могут. Но... — тут один замдиректора запнулся, — на экспорт у нас делают вельвет по параметрам мировых стандартов, шириной 150—160 см, а наши машины, рождающие вельветовые рубчики, способны размахнуться лишь на 90—100 см. И получается ткань марки «ни нашим, ни вашим»... Вот и ищем покупателей месяцами. А контейнеры стоят — ведь предприятие сбыло свою недоделанную ткань и выполнило-перевыполнило плановые задания. А покупатель на перевыполненную ткань не клеет...

— Ну ладно. Это плохо, но не вся же ткань — вельвет! — опять наступаю я.

— Не вся вельвет, но три четверти нашего экспорта — ткани неотделанные, суровые. А то, что, извините, отделанное — чуток, на каких-нибудь 15—20 процентов, не достигает мирового уровня по качеству, и продать его ох как трудно... — добавляет другой замдиректора.

— Между прочим, не мешает вам знать, — вступает еще один зам, — что на экспорт в развитые капстраны установлены квоты. Наша квота в пределах шести тысяч тонн. А Госплан установил нам задание экспортировать раз в десять больше! Вот и бьемся-маемся в поисках покупателей...

— А насколько больше получало бы государство заветной валюты, если бы ткани были качественные! — воскликнул третий замдиректора. — А еще лучше было бы торговать изделиями из них, как это делают страны Юго-Восточной Азии, экспортирующие свою продукцию в США, Канаду и т. д.

— Теперь я расскажу вам про ту пряжу, что в контейнерах дожидается вояжа за рубеж, — начал четвертый замдиректора.

— Может, не надо? — тихо попросил я. — Видимо, у вас те же проблемы с качеством?

— Да. Только с той разницей, что у нас даже нет приборов, чтобы определить его! Поэтому у нас образцы одни, а идет на продажу совсем другое... И контейнеры стоят.

— Но почему происходит такое? Кто виноват в этом? — возмутился я.

— Главное, — подытожил первый зам, — в организации дела. А она такая, что производитель товара на экспорт ни за что не отвечает: он получает деньги не за проданный товар, а за тот, что мы берем для экспорта. Такая у нас хитрая система.

— Выходит, что государство оплачивает из бюджета через нас работу текстильных предприятий, а мы должны суметь их продукцию сбыть... Был бы на предприятиях настоящий хозрасчет, а не бумажный, меньше было бы халтуры и надежды на авось...

— Товарищи, — попытался я остановить поток критики производителей, — есть, видимо, и ваша лепта в том, что творится с экспортными грузами?

— Конечно! Безусловно! — дружно заявили мои собеседники, — торговать за рубежом надо уметь: конкуренция никаких постановлений и команд не признает, ее интересуется мода, спрос и выгода.

Они рассказали мне о своих интересных планах, но это уже другая тема. А эту я хотел бы закончить еще одним маленьким экспортно-контейнерным нюансом. Минморфлот ежегодно покупает тысячи контейнеров за рубежом на валюту. Единственное же в стране ПО «Абаканвагонмаш», изготовляющее контейнеры, третью их экспортирует туда же, за рубеж. За валюту, конечно.

Состыковаться бы двум отечественным гигантам, чтобы валюта не уплывала, но... не могут. Говорят, заводу невыгодно. Почему? Да потому, что каждый молотит свою копну. У каждого свой бизнес.

Он и приводит к таким вот странностям и перекосам: производители не отвечают за торговлю, а торговцы не отвечают за качество продукции. И государство хронически недополучает изрядное количество той самой валюты, которая так ему нужна.

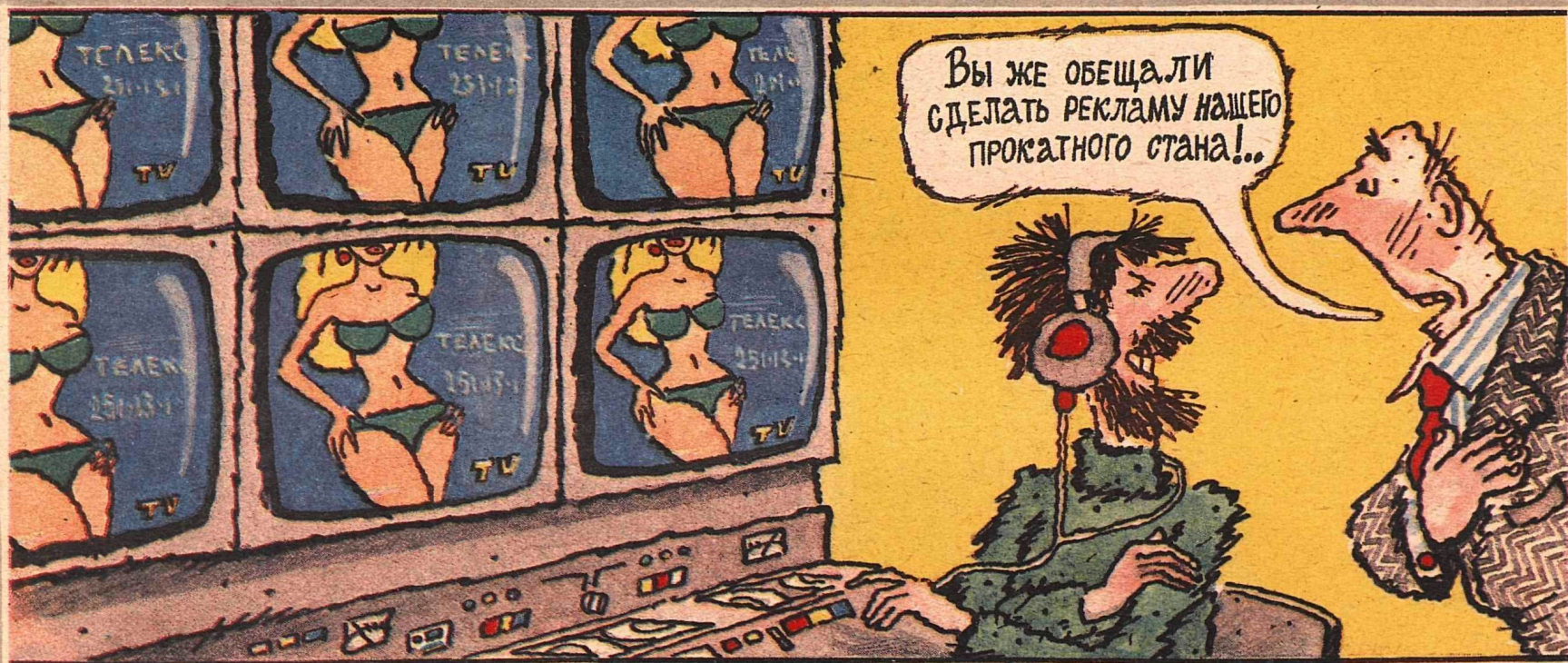
ПРИМЕЧАНИЕ КРОКОДИЛА. В связи с этим Крокодил обращается к С. А. Ситаряну, заместителю Председателя Совмина СССР, председателю Государственной внешнеэкономической комиссии с просьбой сообщить, что он думает по этому поводу.

Т. ЗЕЛЕНЧЕНКО, г. Харьков.

О. ТЕСЛЕР.

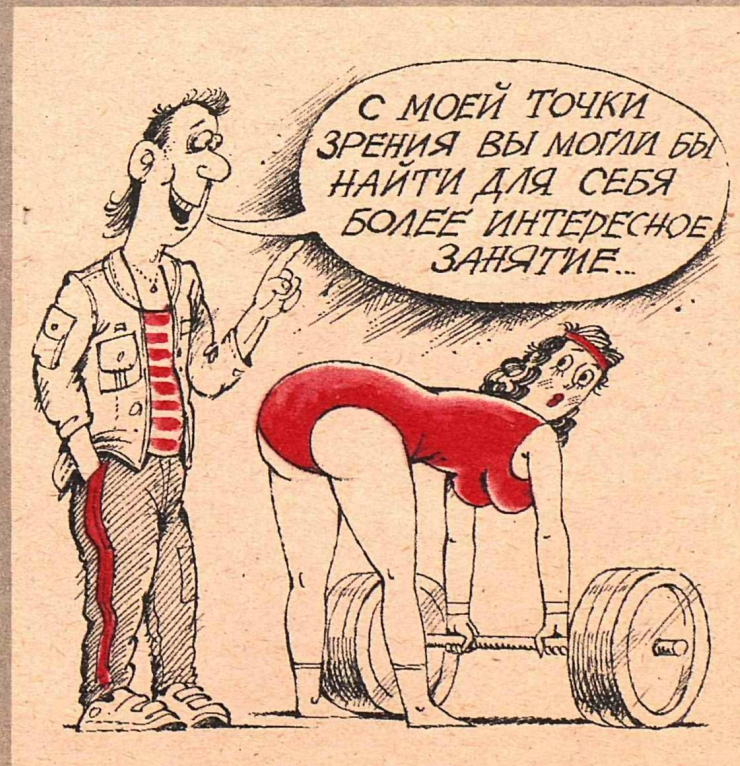

Р. САМОЙЛОВ.

— И я своей сказал, что пошел анализы сдавать...

Р. ДРУКМАН.

В. УБОРЕВИЧ-БОРОВСКИЙ, В. ВЛАДОВ (тема).

ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЬ

на Учредительное собрание. Потом топор упал на белое движение, и, видите, к чему мы пришли?.. Короче говоря, я хотел уехать из страны победившего социализма, жить в Париже и там, работая в русских эмигрантских изданиях, проводить, как раньше говорили, идеологические диверсии против СССР. Но как я мог уехать? В 1913 году, как вам, вероятно, известно, в России на 90 миллионов населения было выдано 9 миллионов выездных виз, в СССР в прошлом году на 290 миллионов населения — около трех миллионов. А уж в 1985 году, когда я пытался уехать, — всего несколько тысяч. То есть вы понимаете, что у меня не было никакого иного пути покинуть СССР, кроме как угнать самолет. На мой взгляд, угон самолета ничем не хуже, чем разгон Учредительного собрания, тем более что оружия я не использовал. Это была скорее политическая демонстрация против закрытых границ. Давайте откроем границы и посмотрим, будут ли тогда угонять самолеты... Что? Пассажиры? Не думаю, что я подвергал их жизнь опасности. Я сразу громко объявил, что убивать никого не собираюсь, но взорву самолет, если он не приземлится в Стокгольме. Люди меня поняли. Я еще тогда в шутку сказал жене, что если мы и впрямь прилетим в Стокгольм, то половину пассажиров останется на Западе вместе со мной. Но самолет приземлился не в Стокгольме, а на советском военном аэродроме. Я стал помогать пассажирам выходить. Видите: я и здесь о них заботился. Среди них не было даже ни одного обмочившегося младенца... Бегство из рабства никогда не было преступлением, а иного выхода для честного человека тогда не было. Нет, был, конечно, еще путь: подать заявление на отказ от гражданства — и напрямик в психушку. Так что давайте говорить не о способе, а о цели. Реализацию моего права на эмиграцию и на поиск политического убежища, закрепленного пунктом 13 Всеобщей декларации прав человека, вы пытаетесь представить как теракт. Я был виноват перед людьми лишь в той степени, в какой были закрыты границы. Вы говорите о каких-то матерях с детьми, а каково МНЕ было в Советском Союзе, понять не хотите... Как бы там ни было, а вы должны написать в вашей статье, что я политический эмигрант и что моим оружием было только слово...

ИЗ ПРИГОВОРА ЩЕРБАКОВА А. В.
«Женившись на Малышевой, Щербаков стал систематически очернять в ее глазах советскую действительность... 16 ноября 1985 года Щербаков и Малышева поездом прибыли в г. Таллинн, имея при себе паспорта, две сумки, географический атлас и нож. Приобрели два

билета на самолет, совершавший рейс 8082 по маршруту Таллинн — Рига — Вильнюс, намереваясь захватить данное воздушное судно и угнать его в Швецию. Для ориентации в полете Щербаков купил компас, определил расстояние от Таллинна до Стокгольма, наметил маршрут пересечения государственной границы. В разговоре с Малышевой Щербаков заявил о своем намерении использовать имевшийся у него нож в качестве оружия против лиц, которые попытаются воспрепятствовать захвату самолета, проинструктировал ее, что она должна будет оповестить пассажиров о наличии у него взрывного устройства. Заняв место в салоне самолета АН-24, Щербаков через бортпроводницу Тумасене предъявил экипажу требования изменить курс и следовать к государственной границе СССР, пригрозив, что в случае невыполнения этих требований он взорвет самолет, на борту которого находились 31 пассажир и 4 члена экипажа. Щербаков имитировал наличие взрывного устройства, для чего приоткрыл в сумке замок «молнию» и держал в ней левую руку. В результате этих требований, которые экипаж воспринял как реальную угрозу, в целях предотвращения гибели пассажиров и по согласованию с наземными службами было решено изменить курс и под видом приземления в иностранном аэропорту произвести посадку на военном аэродроме. Малышева пыталась определить направление движения самолета по компасу. После посадки в 13 часов 22 минуты Щербаков, угрожая взрывом судна, удерживал на борту бортпроводницу и пассажиров в качестве заложников, чем нанес им психологический ущерб... Осуществить бегство из СССР Щербаков не смог по не зависящим от него причинам и был задержан...»

АВТОР. По лагерной столовой разносился дразнящий запах свежесваренных щей. Подсаживаюсь за один из столов, беру деревянную ложку. Передо мной появляется металлическая глубокая тарелка с дымящимся первым, затем — железная миска с картофельным пюре. Мясо можно брать из стоящего в центре стола общего котла. Мои сотрапезники не суетятся: знают, что на всех хватит. На каждом столе — соль, перец, лук и чеснок. Под столами, между зековских сапог, шныряют два откормленных «общепитовских» кота. Не могу сказать, чтобы обед отличался изысканностью, но, право, в московской диетстоловой, где я иногда перекусываю, качество блюд несравненно хуже. А уж о сансостоянии и говорить нечего: лагерная столовая и кухня поражают почти что стерильной чистотой.

Здесь оговорюсь, что менее всего в мои цели входит создание этакой зековской идиллии. Я просто стараюсь передать виденное с документальной точностью. И если уж быть до конца честным, признаюсь, что после лагерного обеда меня целые сутки мучила сильная изжога.

ЗАКЛЮЧЕННЫЙ ПОТАШОВ В. В.,

1949 года рождения. Мне сидеть еще почти 10 лет, здоровье мое неважное, и я не надеюсь дожить до освобождения. От работы я никогда не отказываюсь, хотя в лагерных условиях отказ от работы — это последняя возможность для заключенного остаться самим собой. Главное здесь — не потерять себя, не допустить умственной и моральной деградации. Я хотел бы поблагодарить администрацию учреждения за то, что мне дают возможность заниматься творчеством. Я сейчас разрабатываю научный проект для телевидения, который позволит любому зрителю попасть на экран и стать участником телепередачи или фильма. Зачем? Для перевоплощения. Кому из нас хоть однажды не хотелось перевоплотиться в героя? Или в злодея. Я вот тоже прошел через такое перевоплощение, только не в кино, а в жизни. Работал в Институте США и Канады, был кандидатом исторических наук и занимался вопросами разоружения. Писал статьи, часто ездил в командировки в Штаты. Потом у меня произошла личная драма: жена родила ребенка, но не от меня, понимаете? Я приехал из США и, когда узнал об этом, сначала запил, потом хотел руки на себя наложить. Уехал в очередную командировку, и тут меня подловило ЦРУ. Устроили мне провокацию. С женщиной. Так было все примитивно, даже гадко вспоминать... Заставили подписать что-то, потом проверяли на детекторе лжи в поезде и все грозились, — что если скажу неправду, то выбросят меня из окна на ходу. Я понял, что имею дело с огромной силой. Сначала стали требовать информацию о тесте, он был крупным советским дипломатом. Я сказал, что не дам никаких сведений. Тогда они изменили тактику и говорят: вот вы специалист по разоружению, не могли бы нам сообщать ваши соображения по «нулевому варианту» Рейгана? Я согласился. Приехал в Москву, развелся с женой, несмотря на возражения тещи и тестя: они боялись, что этим я им испорчу анкету. В своих сообщениях я стремился к тому, чтобы не нанести ущерба нашей стране. Да, я критиковал подход Брежнева к «нулевому варианту» как неконструктивный, эти данные ушли туда. Но 95 процентов этого текста были несекретными, сейчас такое запросто в «Правде» печатают. Как передавал информацию? Сначала получал запрос по радио — совсем как в шпионских фильмах: цифры, цифры. Потом расшифровывал запрос в течение 5—6 часов и посылал письма с информацией — в закодированном, конечно, виде — на заранее обусловленный адрес. Они мне за это платили. У меня 92 тысячи долларов на счету в американском банке. После землетрясения в Армении я написал заявление, чтобы эти деньги перечислили в фонд пострадавших... За 2,5 года до ареста вообще перестал отправлять донесения, отказывался от загранпоездок, чтобы не контактировать с ними. Они мне угрожали, даже авткатастрофу пытались подстроить, но

я был тверд. Все это почему-то не учтено следствием. Почему не заявил в органы? Они мне обещали, что в этом случае сделают так, что меня расстреляют... Мотивы у меня были не антисоветские, а скорее личные. Сколько раз мне американцы политическое убежище предлагали — я отказывался... Отца вот только жалко. Он был директором крупнейшего завода, имел орден Ленина. Конечно, после моей истории ему пришлось уйти на пенсию... Я хочу вас попросить выяснить, вышла ли в свет моя последняя книга «Война или мир к 2000 году», которую должны были издать в Хельсинки. Если вышла, то пусть перечислят гонорар в Фонд мира...

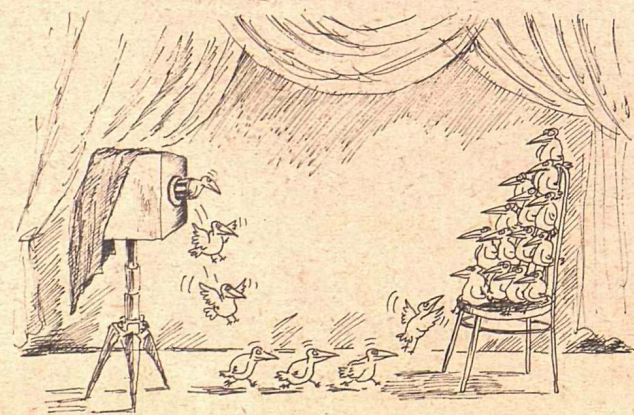
ИЗ ПРИГОВОРА ПОТАШОВА В. В.

«Находясь в долгосрочной служебной командировке в Вашингтоне, из корыстных побуждений установил преступные отношения с американской разведкой. На конспиративных встречах выдал сотрудникам спецслужб США совершенно секретные сведения, в том числе составляющие гостайну. Обязался за вознаграждение в размере 1500 долларов в месяц собирать и передавать ставшую ему известной по службе информацию. В 1982—1986 годах изымал из оборудованных для него тайников в г. Москве шпионские материалы. Принял от разведки США 11 кодированных радиogramм с секретными поручениями, отправил по почте 8 исполненных тайнописью донесений, содержащих военную тайну. В октябре — ноябре 1981 года прошел специальную подготовку по способам агентурной связи. Имел шпионские атрибуты: радиоприемник «Панасоник», головной микронаушник, — с помощью которых принимал и расшифровывал кодированные радиogramмы разведцентра США, содержащие конкретные задания, и по почте отправлял сообщения со шпионской информацией, используя для этих целей письма-прикрытия. 1 июля 1986 года был задержан...»

АВТОР. В примыкающем к столовой клубе есть небольшой кинозал, где заключенным регулярно прокручивают фильмы. За день до моего приезда был фильм «Лунная женщина», который досмотрел до конца лишь один старенький «каратель» — и то потому, что задремал в кресле. Остальным фильм не понравился, и они пошли смотреть телевизор... Из «достопримечательностей» зоны нужно упомянуть и баню. Перед входом в нее плакаты: «Социализм — это мир», «Остановить войну!». В помещении бани пахнет хозяйственным мылом. Под лавками, как солдаты на параде, выстроились банные тапочки — «вьетнамки»: на каждого по паре. В углу на столике — стопка журналов «Огонек». В бане можно не только помыться и почитать, осыывая, «желтую» прессу, но и сделать постирушку. Для этой цели имеется несколько больших стиральных машин.

Окончание следует.

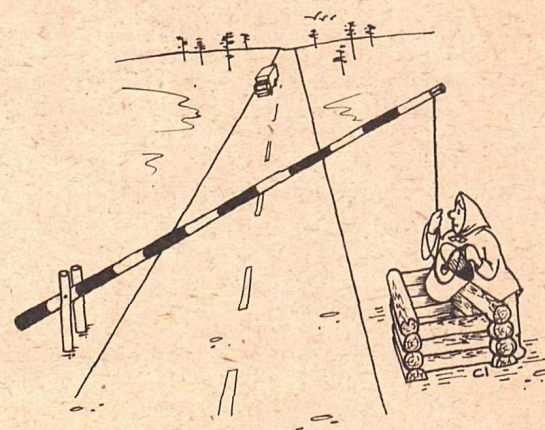
КРОКОДИЛИНКИ

В. БОГОРАД, г. Ленинград

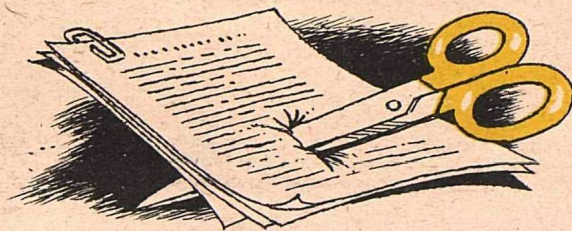
В. ЛУГОВКИН.

А. СЫРЦОВ, Московская обл.

В 1964 году нашему коллеге, известному советскому журналисту-международнику Олегу Игнатьеву, суждено было стать свидетелем двух общественных катаклизмов или, если угодно, метаморфоз. В Бразилии, где автор работал в ту пору собственным корреспондентом АПН и «Комсомольской правды», случился государственный переворот. Вторая же история... Впрочем, предоставим слово самому О. Игнатьеву.

КАК «ЗАРЕЗАЛИ» СТАТЬЮ МАРШАЛА

15 октября мне было предписано явиться на заседание редакционной коллегии газеты «Правда», куда меня пригласили работать. Но маленькая церемония «посвящения в правдисты» состоялась несколько ранее. Совершенно неожиданно для главного редактора «Правды» Сатюкова со Старой площади пришло решение, предписывающее ему вылететь 11 октября во Францию во главе советской делегации.

А утром 10 октября, в субботу, звонит мне домой помощник главного редактора и передает просьбу Сатюкова приехать к 12 часам на заседание редакционной коллегии, где должны принять решение об утверждении моей кандидатуры, «так как 15 октября Павла Алексеевича не будет в редакции, а без главного редактора кадровые вопросы не решаются».

«Акт» утверждения длился всего две минуты. Сатюков произнес только две фразы: «Есть предложение утвердить с 12 октября товарища Игнатьева Олега Константиновича обозревателем отдела американских стран. У кого есть вопросы к Игнатьеву?».

Ни у кого желания задавать мне вопросы не возникло. На этом заседание редколлегии закончилось.

К работе в отделе американских стран приступил в понедельник, 12 октября, а на следующий день вышел на дежурство.

Материалов по нашему отделу в тот день шло немного. Почти вся зарубежная информация состояла из откликов на успешное завершение полета корабля «Восход» с космонавтами Комаровым, Егоровым и Феоктистовым. Мне хотелось протолкнуть в эту подборку зарисовку Бориса Стрельникова, только что переданную им из Нью-Йорка. Материал заранее запланирован не был, поэтому возникла необходимость получить согласие ведущего номера. В тот день номер вел ответственный секретарь редакции Николай Колесов.

Газета, как и поныне, выходила двумя выпусками. Вечерний, для читателей восточных районов страны, подписывался в печать согласно графику в 18 часов. Второй, как мы называем его, «московский», выпуск подписывался в 22 часа. Отправляясь к Колесову с тремя страничками материала Стрельникова, посмотрел на часы: 16 часов. Наверняка можно поставить в «московский» выпуск.

С Колесовым знаком не был, но редакция есть редакция, и в любой кабинет, если дело касается текущего номера, входишь без стука. Так я и вошел. Колесов в тот момент заканчивал какой-то бурный и не совсем, как мне показалось, приятный разговор по «вертушке». Прокричав: «Это невозможно, товарищ маршал! Нет, нет и нет! До свидания!», резко положил телефонную трубку на рычаг, повернул голову и увидел меня с листочками в руках.

— Ну, что вы скажете? Маршал, а порет такую чушь, что уши вянут!

— Он что, недоволен каким-то материалом, ко-

торый мы опубликовали? — высказал я свое предположение.

— Какое, к черту, недовольство! — вскипел Колесов. — Конев требовал немедленно снять его статью из номера! Подумать только: завтра — двадцатилетие освобождения Украины, его статью завизировал министр обороны, а он в четыре часа дня требует снять ее из номера! Ну и шут с ним. А у вас что? — обратился он ко мне, только в этот момент осознав, что ведет беседу с практически незнакомым ему человеком.

— Вот Стрельников передал хороший отклик на полет «Восхода». Может, дадим его на Москву?

— Оставьте, я посмотрю. Уже дежурите? Вам, правда, не привыкать. Здесь у нас поспокойнее, чем в «Комсомолке».

— Газета есть газета, — дипломатично ответил я ответственному секретарю, положив на стол материал Бориса.

Между выходом первого выпуска газеты и началом работы над вторым дежурные по отделам, как правило, имеют возможность передохнуть час-другой. Но это было мое первое дежурство в «Правде», и я спустился в типографию пораньше, чтобы внимательно вычитать материалы свежего набора. К выпускающему наборного цеха Путину стала поступать по пневмопочте из редакции дополнительная правка на опубликованные в первом выпуске материалы. В очередном патроне пневмопочты прислали правку на четвертую страницу. Материалы иностранных отделов стояли на третьей полосе, и четвертая меня не интересовала.

Выпускающий взял полосу, посмотрел на нее и удивленно вскинул брови.

— Посмотрите, Олег Константинович, — протянул он мне страницу с правкой, — как зарезали статью Конева.

— Наверно, поставят что-нибудь на подверстку. Вот и сократили, — высказал я предположение, увидев, что из статьи «В боях за Советскую Украину» в полосе, подписанной заместителем главного редактора Козевым, вычеркнуто несколько абзацев.

— Да нет, — махнул рукой Арон Львович Путин, — я не о сокращении говорю, а о том, что сократили. Мою удивлению не было предела: убрались все места, где упоминался Хрущев. А таких абзацев было четыре.

— Поднимусь вверх, — сказал я Путину, — может быть, у Козева какое-нибудь недомогание?

— Может быть, — неуверенно произнес выпускающий.

Поднявшись из «шахты», как мы называем типографию, на четвертый этаж, где находились кабинеты самых главных газетных начальников, решил зайти сначала к Николаю Николаевичу Иноземцеву. Николай Иноземцев, как и я, кончал Институт международных отношений, мы знали друг друга с тех далеких студенческих лет.

В коридоре увидел Лена Карпинского, который был членом редколлегии и руководил отделом пропаганды марксистско-ленинской теории. В тот день он дежурил по редакционной коллегии и, значит, нес определенную ответственность за выпуск номера газеты.

— Лен, — обратился я к нему, — посмотри, какую правку послали сейчас в «шахту». Из коневской статьи вычеркнули все абзацы, где упоминается Никита Сергеевич.

— Ну и что? — произнес спокойно, с иронической улыбкой Карпинский. — Все течет, все изменяется. Вчера был Никита Сергеевич, а сегодня нет.

— Слушай, зачем так шутить? Посмотри на правку. Я иду показать ее Иноземцеву.

— Иди, показывай, а мне зачем смотреть? Я ее уже видел, — сказал дежурный член редколлегии и зашагал себе дальше по коридору.

Пришел в кабинет к Иноземцеву. — Объясни мне, Николай, что происходит, — говорю, — почему сокращают все места, где упоминается Хрущев?

— Значит, так нужно, — отвечает Иноземцев. — Хрущев был до сегодняшнего дня Первым, а завтра соберут Пленум ЦК КПСС, освободят Хрущева, и будет Первым секретарем ЦК КПСС уже не Никита Сергеевич, а кто-нибудь другой.

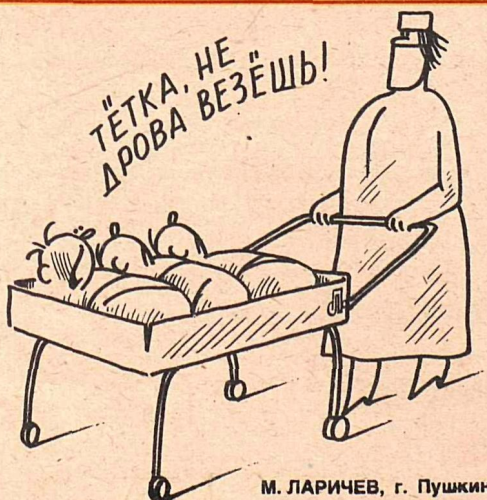
— Ты это серьезно говоришь? — Абсолютно серьезно. Видишь подпись Козева на полосе с сокращениями? Так вот, ему помогает делать нужные исправления молодой человек, пришедший к Козеву по просьбе Семичастного.

Иноземцев знал, что говорит. Действительно, 14 октября члены Центрального Комитета собрались на Пленум и единодушно, как всегда, проголосовали за снятие Хрущева с поста Первого секретаря.

Через несколько дней после «тихого переворота» у нас в редакции уже ходил первый анекдот про Брежнева: «Подходят к новому Первому и спрашивают: «Скажите, пожалуйста, как к вам теперь обращаться — товарищ Брежнев или Леонид Ильич?». А новый Первый скромно так отвечает: «Зовите меня просто Ильич».

Павел Алексеевич Сатюков, возвратившись из Франции, опять приступил к исполнению своих обязанностей главного редактора «Правды», но все чувствовали, что его постараятся «долго не задерживать» на этом посту. Так оно и случилось. 1 декабря в ЦК было принято постановление об освобождении Сатюкова. В тот же день кто-то из конъюнктурных подхалимов еще до начала работы редакции поспешил убрать табличку с его именем, привинченную к двери в приемную главного редактора.

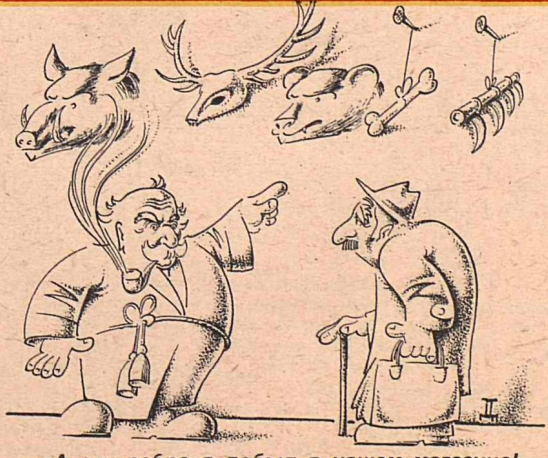
А у меня на память о том первом дежурстве в «Правде» до сих пор хранятся номера обоих выпусков газеты за 14 октября 1964 года: вечернего — с полным текстом статьи Конева и «московского», где из той статьи корова языком слизнула все упоминания о Хрущеве.

М. ЛАРИЧЕВ, г. Пушкин.

В. ДУБОВ.

— А эти ребра я добыл в нашем магазине!
Д. ЦОНКОВ, г. Враца, Болгария.

— А это очень крепкий напиток? — поинтересовалась тетюшка Эмма, которой племянник привез в подарок бутылку английского джина.

— Если вы выльете пару стаканчиков своим золотым рыбкам, тетя, они выскочат из аквариума и загонят кота на крышу!

Поскольку целый ряд районов Аляски не связан телефонами, их заменяет местное радио, передающее частные сообщения вроде: «Джону Смигу, живущему у верховьев реки. Уезжая, я в спешке забыл оставить тебе шифр от нашего конторского сейфа: 28 налево, 16 направо и еще 4 налево».

— Ну, как твой супруг теперь? — поинтересовалась Инга, пришедшая навестить подругу.

— Знаешь, не совсем хорошо. Целыми днями ловит рыбу в ванне.

— Так тебе бы следовало пригласить психиатра!

— Я тоже об этом думала, но так хочется свежей рыбки!

Объявление в витрине одного из парижских салонов красоты: «От вас требуется только изменить дату своего рождения, остальное мы берем на себя!»

— Какой симпатичный! Сколько же тебе? — восклицает величественного вида дама при виде дедушки с бабушкой, гуляющих с трехмесячным внуком.

— Только что исполнилось 55, — выпаливает дедушка.

— Его упрятали в тюрьму на четыре месяца, а мне он сказал, что должен навестить родственника!

— Так его родственник тоже там сидит...

— Наш прекрасный дом погиб только благодаря спиртному!

— В самом деле?

— Да, взорвался самогонный аппарат!

— А мы далеко от земли? — в страхе спрашивает капитан дама, впервые попавшая в шторм во время морской прогулки.

— Нет, приблизительно на расстоянии километра...

— Слава богу! А в каком направлении земля?

— Прямо под нами!

Два до смерти уставших мотоциклиста решили провести ночь в придорожной харчевне, отстоявшей от ближайшего населенного пункта на 500 миль.

— Освобождайте помещение, закрываемся! — потребовал хозяин, когда время перевалило за полночь.

— А если мы не освободим?

— А я позвоню в полицию, и через пару дней вас выставят как миленьких!

— В чем секрет вашего успеха? — спросили как-то у нефтяного магната Поля Гетти.

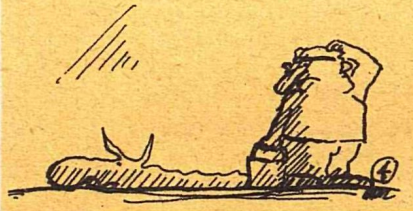
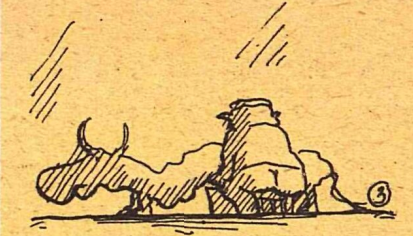
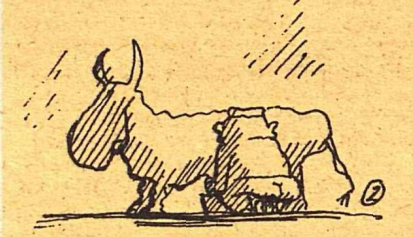
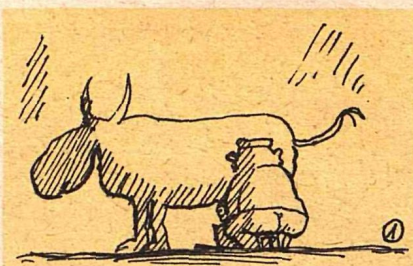
— В том, что одни находят нефть, а другие нет...

— Не могу понять, куда Ларс девадет свои деньги. Две недели назад у него не было ни кроны, и сегодня он говорит, что нет.

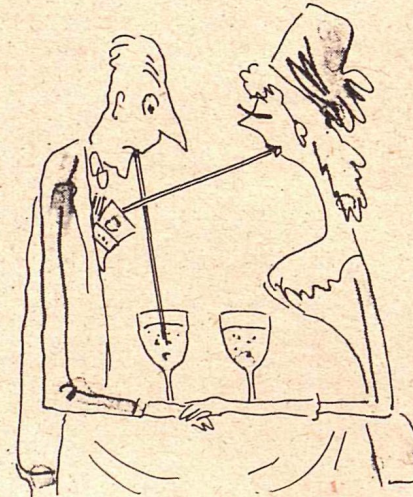
— А он что, хотел занять у тебя?

— Ты с ума сошел! Это я хотел занять у него.

Из журналов «Биллед бладет», Дания и «Ридерз дайджест», США.

«ПАВЛИХА», Югославия.

«УРЗИКА», Румыния.

— Похоже, наши дела идут получше, чем у фирмы наверху.

«УИКЕНД», Англия.

Ромен ГАРИ (Франция)

ПИСЬМО К МОЕЙ СОСЕДКЕ ПО СТОЛУ

Мадам!

Мне пока еще случается быть принятым в свете. Несколько раз я оказывался за столом по соседству от вас. Вы молоды, красивы, неизменно восхитительно одеты, и ваши драгоценности делают честь вашему мужу.

В первое же наше знакомство — на этапе семги — вы сообщили мне без обиняков:

— Я вас ничего не читала.

Я сказал себе: вот так рождается чистая дружба. Ко мне вернулась надежда, а я — к семге.

Едва только появился омар, вы обронили многообещающую улыбку:

— Теперь я стану покупать ваши книги.

Я был счастлив, что всего за несколько движений вилок сумел вас заинтересовать. Но вы продолжали:

— Скажите, как это к вам приходят все ваши мысли?

Омар, скажу вам, был великолепен. Свежайший омар: хозяйка дома — жена министра. Так вот, едва вы задали мне свой вопрос, омар стал тухнуть прямо у меня в тарелке. Нельзя так поступать с женой министра.

Все же я доплелся до конца ужина. Хотя и не смог объяснить вам, как мне приходят в голову мысли: кто ж их знает. Назавтра я узнал от нашей общей знакомой, принцессы Диди, что я вас «очень разочаровал».

Неделю спустя я снова попал в вашу компанию. Вы молниеносно пошли в наступление:

— Почему вы всегда такой мрачный? Как будто вам все опротивело. У вас неприятности?

«Всегда» после двух встреч, мне кажется, слегка чересчур. Однако хотелось бы на этот предмет объясниться. Начнем с того, что у меня такая физиономия, я тут ни при чем. Она от рождения. Она снаружи и необязательно отражает глубину натуры.

Вид у меня, как вы правильно заметили, и правда, иной раз такой, будто я мучаюсь зубами. Видите ли, у меня нервная работа. Легко понять: в романе десять, двадцать, пятьдесят героев. Если я выгляжу озабоченным, это означает, что я думаю о своих персонажах. Когда я думаю о себе, я, как правило, помираю от смеха.

Третьего дня в «Жоккей клуб» я имел беседу с одной из ваших приятельниц, графиней Биби. Поболтав чуток, она прямодушно мне сообщила:

— А вы совсем не похожи на то, что про вас говорят.

Я побледнел: я и не подозревал, что это всем известно. Я полагал, что спрятал труп, который предварительно разрубил на куски, в надежном месте. Ан нет, речью, оказалось, о другом:

— Вы скорее милы.

Это был один из чудовищнейших моментов в моей жизни. Сколько вульгарности, дурных манер и вдобавок семнадцать лет дипломатической службы, и за пятнадцать минут беседы с таким трудом заработанная репутация — коту под хвост! Что я мог сделать? На миг я подумал, не укусь ли мне ее за ухо, но решил, что она может неправильно это истолковать.

Еще одно. Вышло так, что я женат на киноактрисе, да еще и восхитительной красоты. Позавчера у маркизы Рокепин вы на миг оторвались от ванильного мороженого:

— Скажите, вы ревнуете, когда на экране кто-то целует вашу жену?

— Ну что вы, мадам, вовсе нет. Не более чем ваш муж, когда вы отправляетесь на осмотр к врачу.

Мне показалось, что вы хотели залепить мне пощечину. За что, бог мой? Вы задали мне конкретный вопрос, я дал вам конкретный ответ. Почему же на следующий день вы сказали виконтессе Зизи, что я-де невежа?

Зизи, кстати, меня защищала. Если я правильно понял, она ответила вам, что я никакой не невежа. А просто свинья.

Мадам, я не свинья. Я не открываюсь людям, с которыми едва знаком, вот и все. Вы покупаете мои книги, прекрасно. Но разрешите мне, мадам, остаться по крайней мере в бюстгальтере. Чтение моих книг не дает вам никаких прав раздевать меня, да еще наспех. «В душе вы романтик, да?», «В душе вы нигилист, да?», «В душе вы разочарованный, да?» И все это между фруктами и сыром. Мадам, если бы все это было у меня в душе, я бы давно лег на операцию.

Вчера я нарвался на вас у Базилеусов. Вы только что прочли мой новый роман... Там героиня — американка, которая пьет, травится наркотиками и вообще ничем не брезгует. Я едва успел поцеловать вам руку, как вы уже встали в боевую стойку:

— Эту американку вы писали с вашей жены, да?

Сообщаю, что героиня моего следующего романа — нимфоманка. Давайте, мадам. Постарайтесь. «Прыгайте к выводам», как говорят в Англии. Но если моя жена на этот раз даст вам пару оплеух, то не ограничивайтесь тем, что обзовете меня невежей. Потребуйте у своего мужа, чтобы он вызвал меня на дуэль. Я выберу оружие, которое, мне кажется, стало сегодня оружием «большого света»: кухонный нож!

Мне не хотелось бы закончить это письмо, не ответив на последний вопрос, который вы задали мне на другой день у графини Бизи, чей муж кто-то там по свекле.

Вы упомянули один из моих романов, где все происходит на парижском дне.

— Как же получается, что вы, профессиональный дипломат, так хорошо знакомы со средой сутенеров, девиц легкого поведения и преступников?

Мадам, откроюсь вам. Прежде чем стать профессиональным дипломатом, я был сутенером, девицей легкого поведения и преступником. Единственное, что меня удивляет: как, идя такими темпами, вы не обвинили Достоевского в убийстве старухи процентщицы при помощи топора, а Микеланджело — в соучастии в распятии Христа?

Примите, мадам, уверения в моей совершеннейшей искренности.

Перевел С. КОЗИЦКИЙ.

Евгения СИМОНОВА

В чем обаянья актрисы секрет?
И популярность откуда?
В ней ничего необычного нет —
«Обыкновенное чудо»!

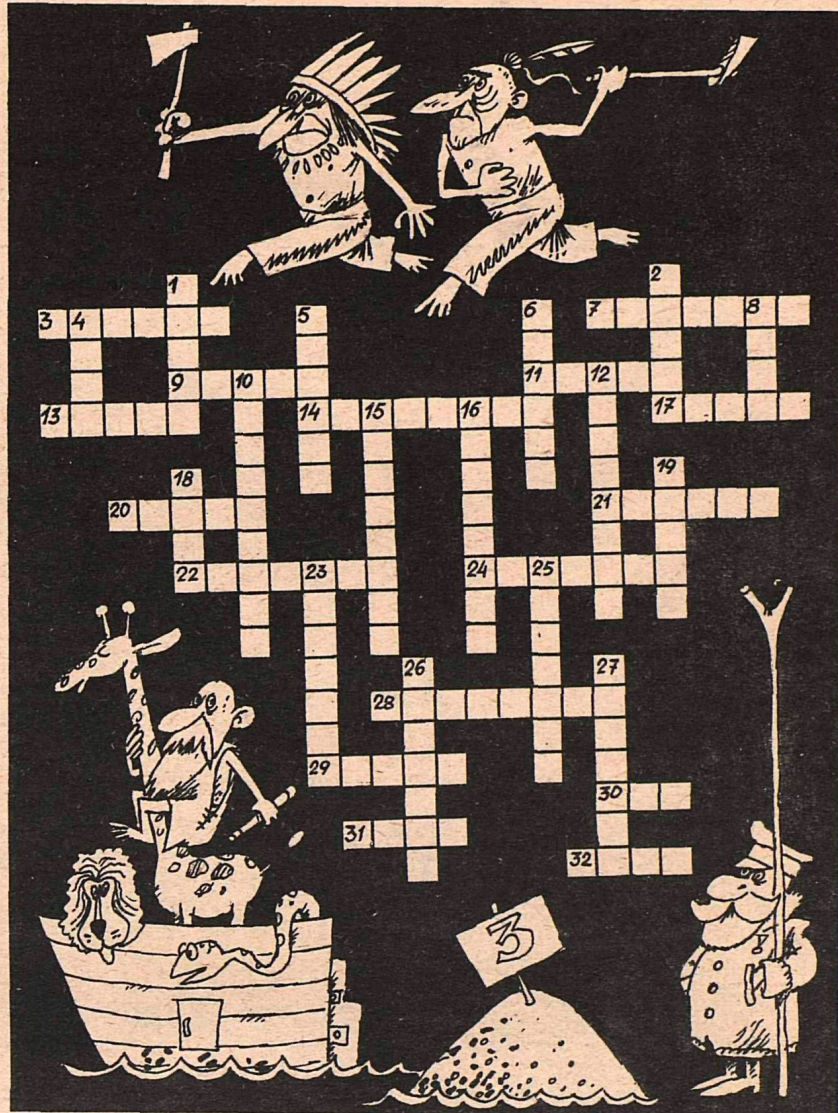
А. СИВИЦКИЙ, Ю. ТИМЯНСКИЙ.

Дружеский шарж И. ЛОСОСИНОВА.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:
3. Взволнованная линейка. 7. Блистательный наплечник (устар.). 9. Божественное наводнение. 11. Аркан в Арканзасе. 13. Грузная вертикаль. 14. Племя, о котором писали до последнего. 17. Категория, если не действительная, так обязательно страдательная. 20. Дорожное беспутство. 21. Удобный случай послать за компанию. 22. Усатый бегун (энтомолог.). 24. Стеклобитное орудие. 28. Игровой эталон пустячности. 29. Денежный оборот орла. 30. Блин-первач. 31. Нахлебница (гостеприимн.). 32. Откровения сивой кобылы.

ПО ВЕРТИКАЛИ:
1. Наушник (ювелирн.). 2. Красный нос (поэтич.). 4. Дикий полоскун. 5. Частик с несчастной участью (индустр.-коллективизац.). 6. Безумное объедение. 8. Квнтет без дуэта. 10. Емкость, у которой дело — табак. 12. Не радость (геронтол.). 15. Область, пошедшая писать. 16. Запятая на повышении. 18. То, чего набираются всю жизнь. 19. Заходная часть света. 23. Природная склонность (ландшафтн.). 25. Шоколад, которому досталось на орехи. 26. Кружковод (чертежн.). 27. Ручная отделка (парикмах.).

Составил **Р. ТАНИН.**

ОТВЕТЫ НА КВК, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 4

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Кокос. 4. Оазис. 7. Шаль. 8. Рубка. 9. Ноги. 10. Будильник. 12. Чайник. 14. Пешеход. 16. Галдака. 17. Лен. 18. Семечки. 20. Сауна. 22. Секс. 23. Карандаш. 26. Верлибр. 27. Герб. 29. Лейка. 30. Кошелек.
ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Колобок. 2. Сосулька. 3. Пломба. 5. Срок. 6. Пальто. 7. Ширина. 11. Серьга. 12. Чернослив. 13. Варешка. 14. Палитра. 15. Дырка. 19. Склероз. 21. Ночка. 23. Кортик. 24. Ателье. 25. Шило. 28. Буре.

В НАШЕМ ЦЕХЕ

СЛАДКИЕ ПЛОДЫ «САМИЗДАТА»

Давно уже терзает меня одна загадка: отчего это признанные и увенчанные поэты вдруг сворачивают с комфортабельной автострады лирики и эпики на ухабистый проселок сатиры и начинают вдруг писать пародии? Может, есть в этом жанре какой-то особый витамин, без которого хиреет лира? Или лечатся они от тайных недугов, как коты, травой? А может, ими движет честолюбивое желание наставить братьев меньших, дав им высокие образцы «низкого» жанра?

Увы, не нашел я пока разгадки, ибо опрошенные мною, на предмет просветления темной этой проблемы мастера поэзии давали ответы уклончивые и туманные.

Захваченный другими заботами, уже вроде и забыл я о своих «марсианских каналах», как вдруг в руки мне попала симпатичная такая книжка, свидетельствующая о том, что еще один лирик съехал на обочину. Да еще как! За собственный счет! Оплатил производственные расходы издательству «Прометей» МГПИ и выпустил сборник пародий «Чур, меня». А ведь вроде все у него в порядке. И читают. И поют. А вот на тебе...

«Да кто же он, этот безумец?!» — воскликнете вы. Отвечаю: «Московский поэт Вениамин Бутенко».

Истины ради надо сказать, что давно уже баловался он «дразнилками»: то там напечатает, то сямя.

Вот и засосала человека опасная трясиная. Не стал толкаться он в длинной государственной очереди столичных издательств, отсчитал

некоторую сумму кровных, пошел к «частнику» и уже через год получил книжку. Сладкие плоды официального «самиздата» зреют быстро — спасибо перестройке!

Что ж, порадуемся: нашего полку прибыло. Не знаю, надолго ли пожаловал новобранец в сатирическую роту, однако решительный этот поступок заслуживает одобрения.

Более четырех десятков пародий уместилось в книжке. Читая их, невольно восклицаешь: «Ба! Знакомые всё лица!». Ну какой пародист пройдет мимо Евтушенко и Вознесенского, Ахмадулиной и Казаковой, Кашежевой и Мориц?..

Вот и В. Бутенко не прошел, а прбшелся. И, надо сказать, порой весьма удачно, уличив маститых во всякого рода мелких прегрешениях.

Однако клиентура пародиста выходит далеко за пределы круга наших классиков. Есть тут имена, и вообще ничего не говорящие даже искушенному читателю. Конечно, дело хозяйское — на кого обрушивать «ювеналов бич», но, честно говоря, я бы посоветовал автору строже отбирать «подопытных», ибо это в значительной мере определяет масштаб и значимость пародийных экспериментов.

Впрочем, это так, в порядке дружеской подсказки. А вообще-то есть все основания сказать автору «Чур, меня», что не зря тряхнул он мощной, которая, как известно, у большинства пишущих не такая уж и тугая.

П. САНИН.

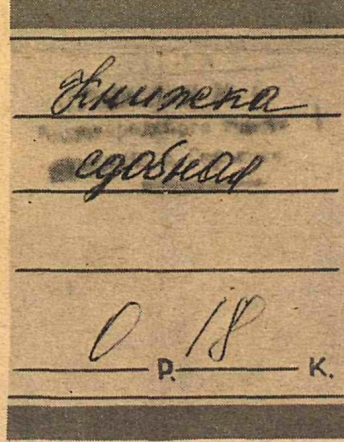
НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Аптеке № 95 на время декретного отпуска требуется касир».

(Объявление).
Прислал **Д. Махнев,**
г. Караганда.

«Касса работает на запад».
(Объявление на железнодорожной станции).
Прислал **В. Малов,**
Хабаровский край.

ИЖЕГОРОДСКИЙ ТРЕСТ

Прислал **Воронин,**
г. Горький.

МИМОХОДОМ

Чтобы воспитать гераклов, необязательно создавать авгиевы конюшни.

«Я стою на правильном пути», — заявил шлагбаум.
Юрий БАЗЫЛЕВ, г. Запорожье.

Столько в нашей истории белых пятен, что в глазах темнеет!

Р. АЛЕКСАНДРОВ,
г. Ленинград.

Работа — это единственное удовольствие, которое не следует растягивать.
Сергей БЕЛОУСОВ, г. Москва.

Чаще всего навешивают ярлыки на тех, кто не продается.

Попугай, который многое понимает, редко бывает говорящим.

Трудно идти в ногу с тем, кто часто щелкает каблукками.
Валерий ТУМАНОВ, г. Харьков.

Прилавки продмагов дают обильную пищу для размышлений.

Александр МЕЛЬНИК,
г. Евпатория.

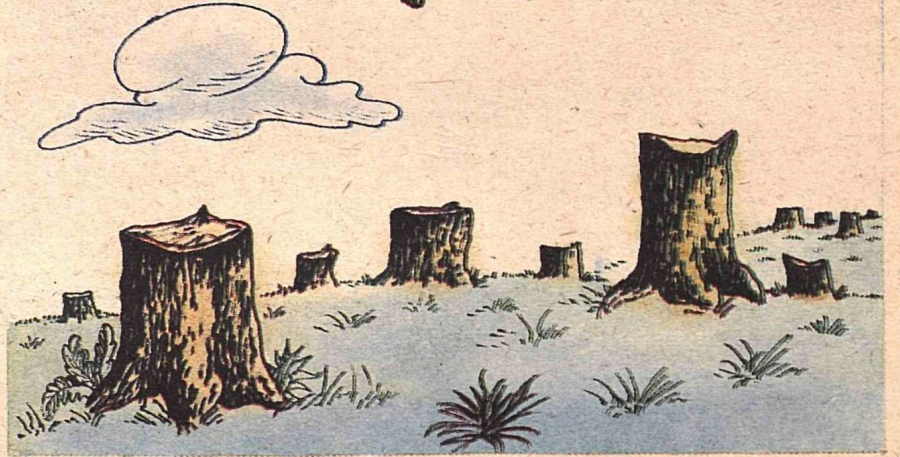
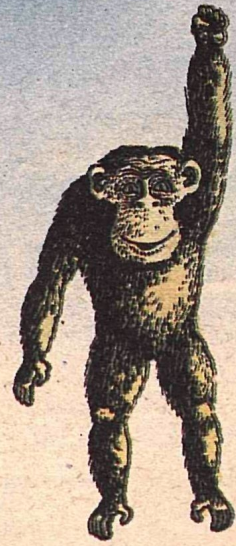
Советские художники успешно выступали в прошлом году на международных конкурсах карикатуры. В 20-м номере «Крокодила» за 1989 г. мы познакомили читателя с некоторыми работами лауреатов. Здесь — продолжение знакомства.

6
Сентябрь 1990

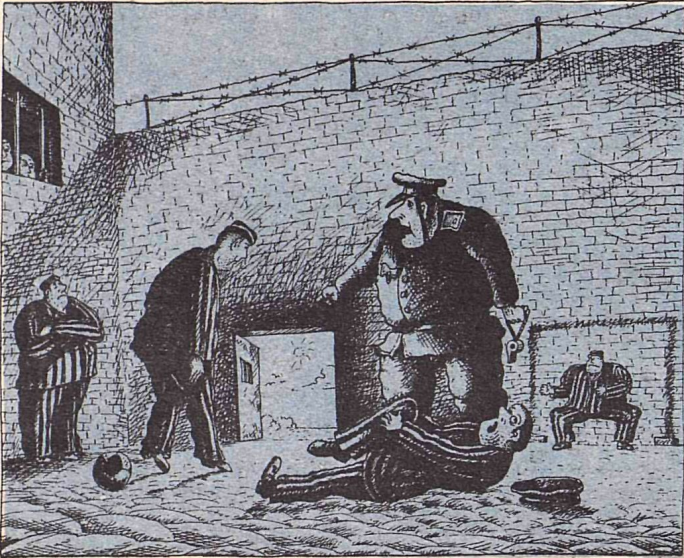

Юрий КОСОБУКИН.
Габрово, 1-я премия.

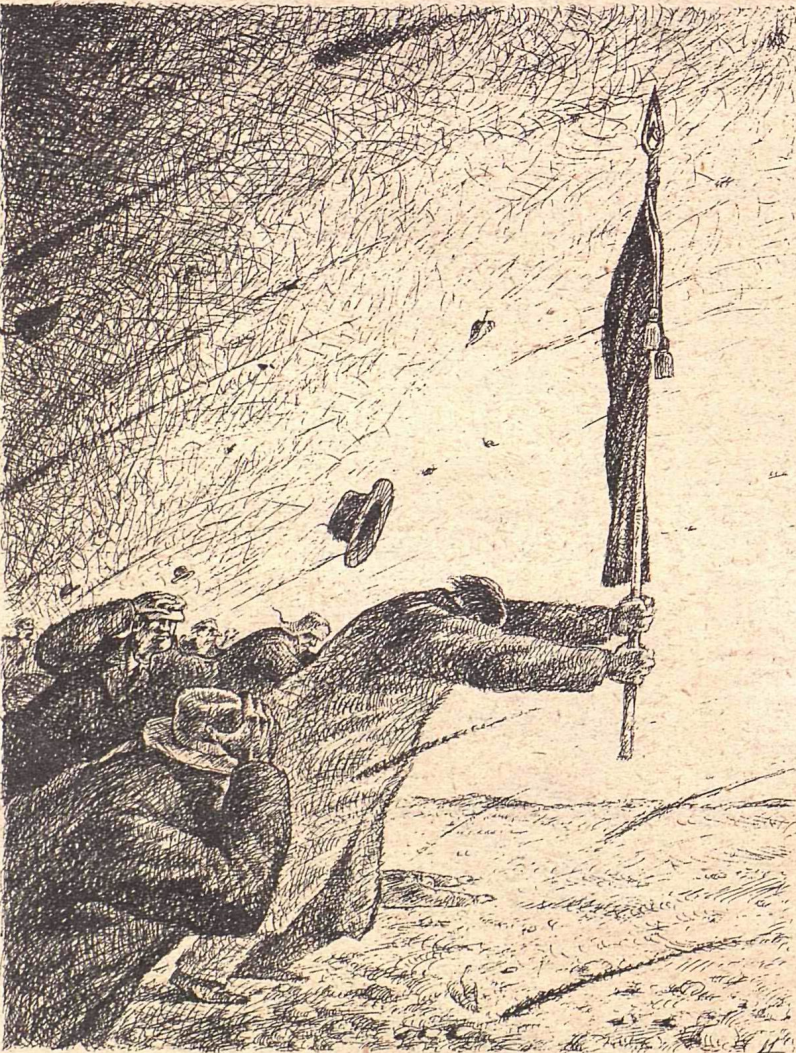
ВСЕСОЮЗНАЯ
ордена „ЗНАК ПОЧЕТА“
КНИЖНАЯ ПАЛАТА
1990 г.
ОПТОВЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР

Владимир КАЗАНЕВСКИЙ.
Токио, 1-й приз конкурса Иомиури.

Владимир КАЗАНЕВСКИЙ.
Кнокке-Хейст (Бельгия),
третий приз «Бронзовая шляпа».

Игорь СМЕРНОВ.
Анкара, 1-я премия.

Юрий КОСОБУКИН.
Сан-Антонио де лос Баньос (Куба). 1-я премия.